

Алекс Савчук

Пру́тский ДЕКАМЕРОН

Р о м а н
в 24 новеллах
с коктейлями
и эпиграфами

«Книга-Сэфер»
Израиль
2013

Алекс Савчук

Прутский Декамерон

«Книга-Сэфер»

2013

Савчук А.

Прутский Декамерон / А. Савчук — «Книга-Сэфер», 2013

Роман израильтянина «русско-молдавского разлива» Алекса, а, попросту, Саши Савчука, переносит читателя в те благословенные годы, когда автору и его друзьям было немного за 20, когда солнце было ярко, небо голубое, снег белый, вино стоило 90 копеек, хлеб 13, а любовь и виноград – только по любви. Любви и на такой короткий, но такой сладостный молдавский вечер, и на всю, как оказалось, короткую, молодость... Повествование основано на биографии автора. Он сам, как и его герой, работал барменом в молдавском городке на берегу Днестра.

© Савчук А., 2013

© Книга-Сэфер, 2013

Содержание

Новелла первая. Исцеление любовью	6
Новелла вторая. Новый ресторан	16
Новелла третья. Капитанская дочка	26
Новелла четвертая. Альфия	32
Новелла пятая. После матча	47
Новелла шестая. Елдаков	51
Новелла седьмая. День Конституции	58
1	58
2	62
3	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Алекс Савчук

Прутский Декамерон

©Алекс Савчук, текст, 2013

©Игорь Губерман, эпиграфы, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Новелла первая. Исцеление любовью

*Грусть подави и судьбу не гневи
глупой тоской пустяковой;
раны и шрамы от прежней любви —
лучшая почва для новой.*

И.Губерман

Стоит прекрасный июльский полдень. Яркое солнце заливает светом улицы, дома, деревья. Довольно жарко, но в городе полно людей.

Я неторопливо бреду по улицам, киваю знакомым, машинально пожимаю протянутые руки, не вглядываясь в лица тех, кто их протягивал. Рассеянно взираю на девушек и молодых женщин, которые в этот летний день предельно, обнажились.

Но их открытые солнцу и мужским взглядам прелести не радуют и не волнуют меня.

Я был, можно сказать, немного не в себе, как, впрочем, и в любой другой день на протяжении двух последних месяцев. И то, что происходило со мной, считал личной трагедией: моя спутница жизни, моя жена Марта, которую я обожал, любил и боготворил, изменила мне.

Я узнал об этом от одного своего знакомого в тот же самый день, – в нашем провинциальном городке трудно что-либо утаить. Я бросился домой и, застав Марту, добился признания в измене.

Она пыталась лгать и изворачиваться, пока я не поймал ее на противоречиях, лишь после этого она во всем призналась. Выслушав ее я ушел и больше суток отсутствовал дома, слоняясь, сам, не помню где. А когда вернулся и спросил ее, зачем она это сделала, Марта, поняв, что угроза миновала, заявила, что я отстал от жизни, что теперь «так модно», и добавила, чуть ли не с гордостью, что каждая уважающая себя женщина должна иметь любовника, и вообще ей, мол, было интересно изведать, каковы они, другие мужчины. Такое вот откровенное объяснение – измена для эксперимента, экивок моде. Ей это, оказывается, далось легко и просто, а для меня после этих слов мир начал рушиться.

С этого дня, я, словно сумасшедший, практически постоянно разговариваю и спорю с тобой, Марта, хотя тебя нет рядом.

Я с тобой, мягко говоря, не согласился насчет того, что у каждой уважающей себя женщины должен быть любовник, такое, я считал, могло случиться с кем угодно, но только не со мной, не с нами, не в нашей семье. Ведь мы так любили друг друга, и нам было замечательно вместе. Я, задыхаясь от наплыва чувств, в минуты близости говорил тебе: «Ты не представляешь, любимая, как я счастлив, ведь у меня есть ты!» – «Э, нет, – отвечала она, – это мне необыкновенно повезло, потому что, любимый, у меня есть ты!»

Да, ты умела красиво говорить о любви: на школьных вечерах учителя, слушая стихи в твоём исполнении, не стесняясь, вытирали слезы, и даже отъявленные хулиганы сконфуженно умолкали, когда по актовому залу разносился твой звонкий волнующий голос: «Самая страшная кража – это кража доверия...».

Кража доверия. Измена. Крах. С самого первого дня, когда мы только стали встречаться и бывать вместе, люди, лишь завидев нас, улыбались, а затем еще долго глядели нам вслед. «Какая красивая пара!» – говорили они, по-хорошему завидуя нашему счастью. И это были не просто слова – ты была, несомненно, прекрасна, и я, светясь от счастья, тоже, наверное, выглядел рядом с тобой достойно. Помню, как какая-то сельская девчонка подошла к нам на улице, прикоснулась ладонью к твоей щеке и сказала бесхитростно: «Какая красивая вы! Как артистка!»

Мое чувство за три с половиной года, что мы провели с тобой вместе, ни на йоту не остыло, я был по-прежнему влюблен в тебя, наш медовый месяц все не кончался, и мне казалось, что так будет всегда и мы проживем вместе в любви, счастье и согласии все годы, что нам отведены Богом. Но твое безответственное отношение к нашим чувствам перечеркнуло все: любовь, радость, счастье – и теперь у меня на сердце лишь горечь, печаль, боль и растерянность. В один ужасный момент мое счастье исчезло, улетело, испарилось, словно облачко.

И я вновь продолжаю свой монолог.

«Ты – первая и, скорее всего, единственная в моей жизни любовь. Ты же – и моя первая боль. Боль от поруганной и растерзанной любви. Что же мне осталось теперь? Лишь страдания, терзания и стенания? Да, я пронесу эту боль в своем сердце сквозь всю мою жизнь. Знай же, для меня с твоей изменой стал рушиться мир, я перестал себя ощущать частичкой его, да я больше и не желал быть ею. Я стал терять зрение, буквально слепнуть, мне стало казаться, что я вот-вот сойду с ума, в моей густой шевелюре пробилась седая прядь – ото лба и до макушки, и это – в двадцать четыре! Предательство – вот название твоему поступку! Прежде я верил в то, что браки заключаются на небесах, но ты безжалостно низвергла меня с небес на землю».

После короткого выяснения отношений, я собрал свои вещички и ушел из дому, ушел от любимой женщины. Бывшей любимой женщины, как мне хотелось думать – я решил вырвать ее из сердца. И стал жить там же, где работал – в ресторане. Я не мог ни есть, ни пить, похудел в первый же месяц на 27 килограммов, в свои 24 года я стал выглядеть, наверное, на 30, а главное – женщины для меня перестали существовать: я, контактный и общительный по натуре, попросту стал их избегать, а при необходимости общения с ними старался закончить разговор как можно скорее и уйти.

Марта сказала мне на прощание, что я сопьюсь с горя, но я не спился, нет. Произошло нечто гораздо худшее: я утратил веру в людей, в любовь, мне было больно даже слышать о любви от других. Да, я разочаровался в любви, пройдя при этом все возможные стадии: отчуждение, охлаждение, отрезвление и, наконец, ненависть – к любви, которая вначале возносит нас к вершинам восторга, и которая затем низвергает с них и ранит так больно. Я не смог простить ей измену – только очень сильный мужчина может простить по-настоящему – просто взять, вырвать и выбросить этот факт из жизни – я не был сильным!

И вновь я продолжаю свой немой монолог, обращенный к тебе, Марта!

«Мы встретились, когда тебе было 18, а мне 20. Оба мы до встречи имели уже кое-какой сексуальный опыт, но очень скоро ты призналась мне с восторгом: ты, Савва, сделал меня женщиной. Настоящей женщиной, в полном смысле этого слова – любящей, чувствующей, раскрепощенной...

И вот – итог, финал наших с тобой отношений. По большому счету мне плевать на измену физическую, гораздо болезненнее измена моральная, кража доверия»...

Мой юный товарищ Кондрат, с которым мы познакомились и подружились несколько месяцев тому назад, когда я уже работал на новом месте в строящемся ресторане, несмотря на свой нежный возраст – 17 лет, каким-то образом хорошо понимал, что со мной происходит. Он был из ранних, как теперь говорят, и наш с ним опыт общения с женщинами, несмотря на приличную разницу в возрасте, был примерно одинаков. Кондрат силился мне помочь, приводя порой в ресторан молоденьких, глупеньких, но доступных девушек, но я всякий раз уходил, избегая каких-либо контактов с ними – мне они были безразличны, почти противны, и я ничего не мог с собой поделать.

Если и будут еще в моей жизни женщины, твердо решил я тогда, они не дождутся от меня проявлений любви, нет, я заставлю их страдать; я теперь всегда, в любых обстоятельствах буду спокоен и холоден – до равнодушия, буду легко рвать с ними отношения и беспощадно бросать.

Сейчас я направляюсь к себе на работу – в ресторан. Только напряженная работа практически без ограничения рабочего дня и без выходных еще кое-как поддерживает мои силы, не

дает расклеиться окончательно, – ведь в том состоянии, в котором я сейчас нахожусь, вернее, в которое сам себя загнал душевными страданиями и муками, недалеко и до самоубийства.

Миновав городские кварталы и достигнув парка, я шагнул в широкую аллею, спеша укрыться под тенью деревьев от яркого солнца. Чтобы продолжить путь, мне нужно было свернуть налево; по правую руку оставалась мемориальная стена с именами героев Великой Отечественной войны и Вечный огонь перед ней, у которого с цветами в руках толпилось десятка два молодых людей – ребят и девушек, которые громко разговаривали и поминутно смеялись.

Остановившись, я скользнул взглядом по их юным и веселым лицам, и грустно улыбнулся: почти не верилось, что люди могут быть такими счастливыми и беззаботными – мне казалось, что никогда больше я не смогу быть таким же. Одна из девушек в этой компании показалась мне знакомой, и я пригляделся к ней. Это была стройная брюнетка с красиво посаженной кудрявой головкой и четким, почти классическим греческим профилем, одетая в белую блузу и короткую темную юбку. Однако, присмотревшись внимательнее, я убедился, что не знаком с этой девушкой. Просто это такой возраст, подумал я, когда девушки взрослеют неумовимо быстро и расцветают буквально в один год, из неуклюжих голенастых подростков превращаясь в очаровательных красоток.

Наверное, мы где-то встречались с ней раньше, возможно, она сестра или дочь кого-либо из моих друзей или знакомых. Ее четкий профиль, живые глаза, тонко очерченное лицо, гордая осанка, осиная талия, длинные ноги, узкие лодыжки, стройные, не слишком развитые икры, даже разворот плеч – все это было мне неумовимо знакомо, и в тоже время сама девушка – незнакома.

Я уже хотел повернуться и продолжить свой путь, и в этот самый момент девушка бросила взгляд в мою сторону, очевидно, почувствовав мой, обращенный на нее взгляд. Несколько мгновений она всматривалась, потом сделала несколько шагов, затем сорвалась с места и побежала ко мне. Я, слегка растерявшись, стал оглядываться по сторонам, – как знать, может она бежит вовсе не ко мне, потому что, хоть убейте, я совершенно не помнил, откуда ее знаю и знаю ли вообще. Девушка подбежала и с криком: «Здравствуй, Савва, мой милый Савва!» повисла у меня на шее, радостно болтая в воздухе ногами.

Признаюсь, такого прежде в моей жизни еще никогда не было: никто из взрослых девиц, не считая, конечно, жены, вот так запросто не запрыгивал мне на руки. От неожиданности я чуть не уронил девушку, из-за чего мне пришлось обнять ее покрепче чуть пониже талии. Она же обвила руками мою голову и замерла так на несколько секунд, потом сползла с моих рук и, откинув слегка назад голову, поглядела на меня своими пронзительно синими глазами. В них светилась радость от встречи со мной, и даже, кажется, нежность, и, еще до конца не осознав, кто она, я понял, что она-то уж наверняка меня помнила.

– Савва, ты что же, не узнаешь меня? – взволнованно спросила она. – Неужели ты забыл свою Аленку, Лену, ну же, мы с тобой так дружили когда-то... Так любили друг друга.

– Ленка? Леночка! Аленка! – вскричал я, еще не веря своим глазам. Теперь я схватил ее в охапку и закружил на месте:

– Ленка! Девочка моя! Аленка! Прости меня. Ты ли это? Не могу поверить.

Моя растерянность прошла, уступив место радости встречи со «старой» знакомой.

Мы познакомились с ее матерью и с ней, 12-летней угловатой девочкой-подростком, тогда больше похожей на мальчишку, во время поездки к Черному морю ровно семь лет тому назад – у нас были путевки в один и тот же пансионат, в который мы вместе добирались небольшим служебным автобусом.

С самых первых минут нашего знакомства ее мать, еще красивая, но полноватая женщина лет 37–38, попросила меня, чтобы я присматривал за ее дочерью, – сама она с этим явно не справлялась.

На остановках Лена – это настоящее имя девочки, всегда выскакивала первой и мгновенно исчезала – уже через минуту ее можно было увидеть в сотне метров от нашего автобуса, общающейся с какой-нибудь лохматой, грязной собакой, или с серьезным видом наблюдающей, как на земле, возле лужи, за хлебную корку дерется стайка воробьев. Водитель автобуса приходил, садился за руль и объявлял, что мы должны отправляться, а Алена – так ее звала мать – все не показывалась.

Мать, Вера Степановна, измучившись от переживаний за дочь, с радостью поручила мне опеку над ней, дав мне любые полномочия, вплоть до наказаний. Я сразу же и воспользовался этим разрешением: когда мне надоело, что все в автобусе, включая меня, должны были эту негодную девчонку ждать, я нагнал Аленку, грубовато схватил ее за руку, а когда та, надув губы спросила: «А ты кто такой?» и стала вырываться, я ощутимо шлепнул ее по костлявой заднице, обещая, что это лишь начало и дальше будет еще хуже.

Все оставшееся время, пока мы добирались до курортного местечка в районе Одессы под названием «Каролина – Бугаз», девочка просидела возле матери, надувшись, чем та была чрезвычайно довольна и исполнилась ко мне благодарности.

Позже, когда нам, проживавшим в соседних домиках и посещавшим одну столовую, волей-неволей по несколько раз на день приходилось встречаться, я каждый раз испытывал перед девочкой неловкость за то, что ее шлепнул, она же, проходя мимо, гордо поднимала голову, делая вид, что в упор не замечает меня.

Через пару дней, правда, она обратилась ко мне с просьбой. Заметив, что я неплохо ныряю, она попросила достать со дна какую-нибудь раковину, которые, как она видела, местные ребята, ныряя, доставали.

Я полдня провел на пирсе, непрерывно ныряя, и достал ей с десятков разных раковин, пока она, наконец, не была удовлетворена. Тогда девочка сменила гнев на милость и простила меня, при встречах она теперь кивала, а, будучи в это время вместе с матерью, даже здоровалась.

Так прошло несколько дней, пока не приехала другая, старшая дочь Веры Степановны, Аленкина сестра. Ее звали Мила, она провела у моря вместе с матерью и сестрой всего два дня, после чего уехала в Москву – поступать в театральный институт, учиться на актрису. Мила произвела на меня неизгладимое впечатление: моя сверстница – ей было всего 17 – была удивительно хороша – высокая, стройная красивая брюнетка с гордым, и я бы даже сказал, надменным взглядом.

Что и говорить – с первых же минут знакомства я влюбился в нее без памяти, как, впрочем, и вся мужская половина нашего лагеря.

Аленкиных сверстников в лагере и ближайшем окружении почти не было, малышка явно нуждалась в товарищах по играм, поэтому она стала привлекать к своим играм меня. Играя с ней, я все время старался быть поближе к тому месту, где мог видеть старшую сестру – Милу, но это мне удавалось редко, та то и дело куда-то исчезала, и за то короткое время, что она провела в нашем лагере, я смог понаблюдать за ней, наслаждаясь, всего несколько раз. Будучи очень впечатлительным по натуре и еще нецелованным юношей, я ужасно переживал, когда Мила, сестра, так и не удостоив меня хотя бы одним словом или взглядом за эти два дня, уехала; мать отправилась вместе с ней в Одессу провожать на поезд, поручив мне опекать свою младшую – Аленку. Никакого сходства в чертах родных сестер я не находил, сколько не вглядывался в Аленку – она, скорее, напоминала мне тогда гадкого утенка из известной сказки.

Мать девушек вернулась из Одессы только следующим утром, именно в тот день и произошло у нас Ч.П. Я проморгал тот момент, когда Аленка, верная себе, исчезла из поля моего зрения и отправилась купаться, а увидел ее лишь тогда, когда она, находясь в воде метрах в тридцати-сорока от берега, заверещала от страха. При этом она неуклюже размахивала руками и шлепала ими по воде.

Я сразу и не сообразил, что это именно она кричит, просто среагировал на крики и побежал к воде. Аленка тонула на малой глубине, там было что-то около полутора метров, впрочем, как известно, человеку для этого достаточно порой, чтобы воды было всего по колено.

Когда я добрался до нее, девочка почти скрылась под водой. Поймав Аленку за волосы, я выудил ее на поверхность и придерживая лицом вверх поспешил к берегу, два-три раза проплывая глубокие места, так как дно оказалось неровным. На берегу, не обращая внимания на окруживших нас людей, я быстренько провел все приемы по правилам спасения утопающих, и Аленка задышала, забилась в кашле, а затем в рыданиях; рядом, почти в судорожном состоянии находилась мать – Вера Степановна, которая только что прибежала к берегу, а до этого спокойно отдыхала в своем домике.

Когда полчаса спустя приехала «скорая помощь», Аленка уже ходила по берегу, радуя своим бравым видом маму, меня и окружающих, однако врач скомандовала немедленно погрузить девочку в машину, и я, конечно же, поехал вместе с ней; Вера Степановна осталась сидеть на песке, не имея сил сдвинуться с места.

Пару часов мы тогда провели в медпункте, затем столько же в местной больнице, врачи боялись, что у девочки в легких может оказаться вода и делали всевозможные проверки, но все, слава Богу, обошлось, и к ночи, когда обеспокоенная мать уже не надеялась увидеть свою дочь живой, мы попутной машиной приехали вместе с Аленкой на базу отдыха.

С того дня, и до самого нашего отъезда домой, мы с Аленкой были вместе, практически не разлучаясь: в столовой, у моря, на спортивной площадке и даже на рыбалке. Теперь и купаться мы ходили только вместе, я не оставлял Аленку одну. Она привыкла ко мне, могла преспокойно забраться ко мне на руки, вскарабкаться на спину, короче, была мне словно младшей сестричкой. При этом, глядя на Аленку, я часто вспоминал ее старшую сестру Милу, которая, сверкнув словно яркая звездочка на моем небосклоне, исчезла навсегда.

В оставшиеся дни отдыха я обучал Аленку плаванию, часами я держал ее на руках, терпеливо объясняя как себя вести на воде, и к окончанию нашего отпуска она уже довольно прилично плавала, потому что от природы была сильной и выносливой девочкой.

Вместе вернувшись с отдыха, мы потом еще долгое время общались, встречаясь где-нибудь в городе, разговаривали, вспоминали, шутили, но Аленка по-прежнему казалась мне гадким утенком – в свои теперь уже четырнадцать она еще не сформировалась, да и лицом оставалась несимпатичной.

Однако она была мне дорога хотя бы уже тем, что я спас ей жизнь, поэтому мы с ней и были теперь на всю жизнь, как одной пуповиной, повязаны.

Вскоре я узнал от Аленки, что ее сестра Мила поступила, как и мечтала, в московский театральный институт, а потом их отцу предложили в столице работу и двухкомнатную квартиру. С тех пор, – а прошло, наверное, уже лет пять, как они уехали из нашего города, – мы с Аленкой больше не виделись и не встречались.

И вот, когда, наконец, свиделись, Аленка меня сразу узнала, а я ее – к своему стыду – нет. Да, собственно, это было и не удивительно, потому что передо мной сейчас стояла статная и очень хорошенькая девушка, синие глаза ее смотрят на меня изучающе, хотя во взгляде присутствует и теплота, и нежность, и веселый задор.

– Аленка, – все еще словно не веря своим глазам, говорю я, – милая моя девочка Аленка. Мама твоя, надеюсь, жива, здорова?

– Мама в порядке, она со мной приехала, остальные члены семьи – в Москве, и тоже неплохо себя чувствуют, – с улыбкой отвечала она.

В это время Аленку позвали друзья, она нетерпеливо махнула им рукой, сейчас, мол, приду, затем спросила меня:

– Савва, скажи мне, где ты живешь? Я хочу прийти к тебе, посмотреть, как ты живешь, надеюсь, ты позволишь мне это. Ты женат, наверное, и счастлив, растишь детей?

От ее слов мне в один миг захотелось разреветься, с огромным трудом я сдержался, улыбнулся – со стороны в этот момент я выглядел, наверное, жалким и растерянным, и сказал:

– Если у тебя вечером найдется время, приходи со своими друзьями, а хоть бы и с мамой ко мне на работу. Это недалеко отсюда, вон там, за Дворцом культуры расположено двухэтажное здание нового ресторана, сам ресторан еще не работает, но ты найдешь меня в баре на первом этаже, – в любое время дня и ночи я там. Если дверь будет закрыта, просто постучи, я открою.

Аленка приблизилась, заглянула мне в глаза, затем, улыбнувшись и пожав руку, убежала, и несколькими секундами позже присоединилась к своим друзьям; дорогой она еще несколько раз оборачивалась, затем исчезла в одной из боковых аллей парка, а я, проводив ее взглядом, продолжил свой путь, на душе у меня теперь было светло и радостно – всегда приятно встретить человека, с которым тебя связывают добрые воспоминания детства и юности.

Придя на работу я вскоре втянулся в свою обычную трудовую суету, иногда вспоминая о минутной встрече с Аленкой, мое сердце при этом радостно трепетало.

Аленка пришла в бар тем же вечером: передо мной предстала очаровательная девушка в легком шерстяном трикотажном костюме цвета бордо и в туфельках на высоком каблучке. Она была не одна: Аленка привела с собой друзей – двоих ребят и двух девушек. Усадив их за столик, я спросил, что они будут есть и пить и, выслушав заказ – «сок, кофе и пирожные», улыбнулся, вернулся за стойку, а вскоре принес на их столик требуемое, добавив от себя бутылку шампанского и ликер в рюмках.

Торговля в этот день была хорошая: толпы нетерпеливых клиентов буквально атаковали бар, касса быстро наполнялась шелестящими купюрами; официантка Сонечка едва справлялась со своими обязанностями. Вечер вышел нескучный, было много молодежи, смеха и веселья; спустя какое-то время я отнес за столик Аленки и ее друзей еще бутылку шампанского, умоляя их чувствовать себя свободно, танцевать и веселиться.

Аленка с улыбкой встречала и провожала меня, и я вдруг с удивлением подумал, что вот, есть же на свете девушка, которая радует мое сердце – правда, она пришла ко мне напрямую из моей юности.

Только после полуночи мне удалось выпроводить последнего клиента; компания Аленки к этому времени тоже стала собираться. Уговорив их еще на полчаса задержаться, я увлек Аленку танцевать, и нам, наконец, удалось поговорить. Я расспросил ее о маме, папе, осторожно – о сестре Миле. Аленка поведала с улыбкой, что сестре пришлось бросить институт – она не прошла, – вы не поверите, – экзамен на поцелуй (?): преподаватель этого предмета – пятидесятилетний лысый мужчина с гнилыми зубами и нечистым ртом, требовал от нее – и не только от нее, а и от всех остальных студентов – многоминутных поцелуев в засос, и девушка, не сумев перебороть свою брезгливость, сломалась.

Бросив занятия в институте и отказавшись от мечты стать актрисой, она вышла замуж, родила сына и теперь работает в каком-то торговом предприятии.

– Ну, а как ты сама? – спросил я, легко обнимая девушку за тонкую талию. – Как ты себя в Москве чувствуешь, хорошо ли тебе? Не давит на психику это громадьё зданий, стекла и бетона, а также мечущаяся повсюду бесчисленная человеческая толпа?

– Нет, – засмеялась она, доверчиво прижимаясь ко мне. – Я привыкла, мне там нравится, хотя и скучаю порой за родным городом, за одноклассниками, и еще... за Черным морем.

Не удержавшись, в приливе нежности я привлек ее к себе и крепко обнял. Как обнял бы ее тогда, когда она была еще девочкой-подростком.

– Ты разве не боишься моря?

– Нет, особенно когда рядом есть такой как ты, могучий защитник, – улыбнулась она.

– Я хочу признаться, Аленка, что когда мы с тобой познакомились, я был немного влюблен в твою сестру.

– Я помню, – перебила она меня. – Тогда даже мама заметила это.

– Но теперь, скажу тебе откровенно, ты, Аленка, стала интереснее сестры и красивее ее.

– Просто я повзрослела, пришло наконец и мое время, – мягко улыбнувшись, сказала Аленка и тут же сменила тему: – Знаешь, Савва, я хочу пить, сделай какой-нибудь освежающий напиток, ладно? Только без алкоголя, хорошо? – погрозила она мне пальцем.

– Что ж, в таком случае давай сделаем его вместе, – сказал я, с сожалением убирая руку с ее талии. – Пойдем, поэкспериментируем.

Мы прошли за стойку, я выставил на нее ведро со льдом, бутылки с минеральной водой, придвинул сиропы, а также бутылку натурального лимонного сока. Аленка выбрала большой в треть литра стакан, щипцами бросила в него несколько кусков льда, ливанула сироп, затем долила минералки, я лишь успел следом плеснуть немного лимонного сока, после чего все это перемешал.

Окунув в стакан две соломинки, мы попробовали получившийся напиток и вмиг ополовинили стакан, напиток оказался с тонизирующим эффектом, довольно нежным и приятным на вкус. Со значением поглядев друг на друга, мы одобрительно закивали головами. «Неплохо» – произнесла Аленка, «Даже очень неплохо» – поддержал ее я, и, не сговариваясь, мы стали изготавливать два новых полных стакана того же напитка.

Закончив, тут же выпили их до дна, а вскоре подтянулись друзья Аленки, попросили им сделать то же самое, и через минут пять, когда все сосредоточенно цедили из стаканов новый напиток, я, отозвав Аленку в сторону, сказал:

– Через неделю у нас в Кишиневе будет проводиться конкурс коктейлей, мы в нем тоже участвуем, как же, как и другие бармены республики, подавшие заявку. Участвуем, конечно, заочно, поедет технолог, повезет с собой документы и рецептуры. Я собираюсь этот напиток тоже представить, пять алкогольных коктейлей мы с Сашкой, моим напарником, уже приготовили, а один пусть будет безалкогольным. Назовем его «Аленка», если ты не возражаешь.

Аленка во все глаза смотрела на меня.

– А что, такое возможно?

– Конечно возможно. Завтра я сделаю технологическую карточку, технологи утвердят, подпишут, и напиток «Аленка» с твоим именем навсегда получит прописку в этом баре, а может и в других тоже.

Аленка взвизгнула и бросилась меня целовать, чем немало удивила своих друзей-одноклассников. Заметив их реакцию, Аленка, нисколько не стесняясь, сказала:

– У нас, ребята, с Саввой давняя, можно сказать, застарелая любовь, я же вам немного об этом рассказывала, так что принимайте все как есть и не удивляйтесь. Он много лет тому назад безнадежно влюбился в мою сестру, а я – также безнадежно – в него.

– Минуточку, почему же ты до сих пор об этом молчала? – шутливо удивился я. – Почему я узнаю об этом только сейчас?

– А чего ты хотел, – рассмеялась Аленка, вновь обнимая меня, – чтобы я, тогда двенадцатилетняя психуха, стала объясняться тебе в любви?

– Зато у тебя есть шанс сделать это сейчас, – подмигнув мне, с улыбкой заметила Ирина, полная шатенка, Аленкина подруга.

– Действительно, – весело поддержали остальные. – Давай, Аленка, раскалывайся.

Аленка повернулась ко мне, лицо ее сделалось серьезным.

– Я люблю тебя, Савва, и очень давно, вот уже семь долгих лет. Большой и безнадежной любовью.

– Почему же безнадежной, – включился я в игру. – Пожалуйста, с этой самой минуты я весь принадлежу тебе, хочешь – люби, хочешь – топчи меня, от тебя я все готов стерпеть, как терпел когда-то.

Аленка шагнула ко мне вплотную, посмотрела в глаза – долго и серьезно, затем поцеловала – в губы. Сильно и требовательно. Этот поцелуй по всему моему телу отозвался сладостным, подзабытым уже томлением. Посмотрев на ребят и девчонок, которые в эту минуту напряженно наблюдали за нами, я решил превратить этот эпизод в шутку и сказал:

– Ну, кто еще хочет в этот замечательный вечер поцеловать бармена, причем совершенно бесплатно? – Молчаливая пауза. – Ну, раз желающих нет, значит, нам пора собираться.

Несколькими минутами позже мы покинули бар, ребята ушли вперед, Аленка ожидала меня у дверей ресторана.

Она взяла меня под руку, и мы медленно тронулись следом за ее друзьями-одноклассниками.

– Ты пойдешь сейчас домой, к своей жене? – спросила Аленка, и вновь какой-то спазм перехватил мне горло.

Я ответил глухо, с усилием:

– Нет, Аленка, я не... В общем, мы с женой не живем больше вместе.

– Я почему-то почувствовала это, – очень серьезно сказала она. И тут же спросила, легко коснувшись моих волос рукой: – А эта седая и такая симпатичная прядь у тебя от нее?

– Да, – ответил я. – Ты угадала. Это копия той раны, которую она оставила в моем сердце.

– Твоя жена, она красивая? – спросила Аленка.

– Да, пожалуй, даже слишком красивая, – ответил я. – Оттого, наверное, и беспутная. Но это не важно – я любил ее, и не только за красоту, но теперь все в прошлом. Ужасно любил...

– И теперь ты ужасно страдаешь?

– Я больше никогда и никого так не полюблю. Уже не смогу. Прости, Аленка, мне тяжело об этом... А тебе и вовсе знать и слышать об этом ни к чему.

– Я готова ее убить, – неожиданно жестко произнесла она. – Только за то, что она сделала тебе больно, заставила тебя страдать.

– Все красивые женщины больно ранят и заставляют мужчин страдать, – скривившись, произнес я.

– Я бы не смогла сделать тебе больно, – просто сказала она, сжимая своей ладошкой мою руку. Затем, после минутной паузы спросила: – А где ты теперь живешь?

– Я... я живу... в ресторане, – проговорил я, мне отчего-то вдруг стало стыдно за эти слова.

– Так ты спишь прямо в баре?

– Да, – смущенно сказал я. – Там у меня для этого все условия: душ, матрас, еда, напитки, «Аленка», например.

– Ага, – усмехнулась она. – И напитки тоже...

Мы шли какое-то время молча. У выхода из парка нас дожидались Аленкины друзья.

– Ленка, – спросил один из ребят, Игорь, – тебя домой проводить?

– Нет, спасибо, – ответила она быстро. – Меня Савва проводит. Правда, Савва?

– Ну конечно, – ответил я.

Ребята стали прощаться, и вскоре ушли, а мы все стояли и разговаривали.

– Давай вернемся к тебе, в бар, – мягко сказала Аленка, держа обеими руками меня под руку. И тут же спросила: – Это возможно?

– Конечно, возможно, – произнес я бездумно.

– Я нашла тебя через много лет, после того как потеряла, и теперь боюсь вновь потерять, – прошептала Аленка, стараясь приноровиться к моему шагу, но по-прежнему не выпуская моей руки из своих рук. – Причем встретила тебя не в самый лучший период твоей жизни.

– Это уж точно. И все равно это замечательно, потому что я очень рад тебя видеть. Вне зависимости от всего остального. Ты – это ведь часть моего прошлого, его приятный миг.

– И ты – часть моей жизни и моего детства.

Я даже не заметил, как мы вновь оказались в баре.

Убавив мощность светильников до минимума, мы с Аленкой присели за столик.

– Выпьешь чего-нибудь? – спросил я.

– Нет, ничего не хочется, – ответила она. – Мне и так хорошо. Потому что ты и я – вновь вместе. И от этого мне просто хорошо.

– А спать ты еще не хочешь? – спросил я, беря и прижимая ее ладонь к своим губам. – Уже час ночи.

– Но ты же не выгонишь меня? – спросила она. – Ты не выгонишь свою маленькую, непослушную Аленку? Не нашлапашь меня как когда-то?

– Нет, не выгоню и не нашлапаю, – ответил я. – Хотя, может, ты этого и заслуживаешь.

Аленка встала, наклонилась ко мне и, обхватив мое лицо ладонями, вплотную приблизила свое лицо.

– Обними меня, Савва, – прошептала она, прижимаясь ко мне всем телом.

Я повиновался, осторожно обняв ее.

– Ну же, не так, обними как мужчина обнимает женщину.

– Я не... Аленка... Ну, я не знаю...

– Глупенький, я еще тогда, в двенадцать лет мечтала о том, что ты когда-нибудь сожмешь меня в своих объятиях. По настоящему. До боли в теле. Вот этими своими крепкими руками. Я жалко улыбнулся и совсем опустил руки.

– Савва, я же вижу, как ты страдаешь. Это не... Это неумно, наконец. Ты себя попросту сжигаешь.

– Да, возможно. Но я ничего не могу с собой поделать.

– Поцелуй меня, слышишь. – Аленка вновь прильнула ко мне всем телом. – Я часто думала вплоть до сегодняшнего дня, что тогда, когда я была еще девчонкой, эта моя тяга к тебе была несерьезной, неосознанной, но сейчас, когда увидела тебя вновь, уже так не думаю...

Я смутно помню, как мы разложили матрас, накрыли его простыней, затем Аленка взбила подушку и сказала просто, как-то совсем по-домашнему:

– Одна подушка на двоих, но большая, так что нам как раз подойдет.

Мы разделись и легли нагие поверх простыни. И тогда я сказал Аленке:

– Ты красивая. Тысячи парней и мужчин мечтают наверняка, хотя бы пальцем словно невзначай прикоснуться к тебе, а я лежу здесь рядом и боюсь... боюсь что ничего не смогу, – голос мой стал глуше, – не смогу любить тебя. Прости. Прости меня, моя милая Аленка.

– Боже, что она с тобой сделала? – прошептала Аленка обнимая меня. – Отвлекись от всего. Ты мог любить, ты ужасно страдаешь, значит, сможешь когда-нибудь полюбить вновь. Не меня, нет. Какую-нибудь другую женщину, потом, через время. Для этого нужно, чтобы прошло время.

Я слушал ее и удивлялся. Откуда она, девчонка, может про это что-либо знать? Или она интуитивно чувствует это своим женским сердцем? Ну откуда у такой юной пигалицы трезвый ум и такое глубокое житейское понимание вещей.

Руки Аленки гладили мое тело, скользили по нему ласково, уверенно, словно она ласкала меня не впервые.

Я почти не помню, как это произошло. Какой-то миг – удивительно приятный, и мы с ней слились в одном сладостном порыве. Как сейчас помню: ее лицо внизу – словно в муке, губа закушена; потом вверху, надо мной, затем вновь внизу, лицо Аленки искажено, словно она вот-вот собирается заплакать.

– Ты – удивительный, – шептала она в те короткие минуты, когда мы разжимали объятия. – Я счастлива, что нашла, что встретила тебя. Ты был словно замороженный, но я сниму с тебя это проклятие. И ты это сразу почувствуешь, милый. Однажды ты спас меня, я буду

рада ответить тебе тем же. Ты имеешь право жить и любить, и я прошу тебя лишь об одном, Савва, – забудь о ней.

– Я забуду, – шептал я, жадно целуя ее сухие, горячие губы. – Я за...буду, буду, – повторял я пьянея от этих поцелуев, затем целовал ее прекрасное тело, отчего-то пахнувшее шафраном, и от этого пьянел еще больше. В одно из мгновений она наклонилась надо мной, лежащим навзничь, и с хитрой улыбкой наступила мне коленом на грудь.

– Ты мой поверженный герой, – прошептала она. – Но ты восстанешь, слышишь, ты вновь будешь гордым и сильным.

Приподняв голову, я поцеловал ее прекрасное округлое колено. И вспомнил: когда-то, еще шестилетним мальчиком, когда я ходил в круглосуточный детский сад, я слушал рассказанную нам воспитательницей на ночь сказку о богатыре и Синеглазке, которая, победив его в единоборстве, тоже наступила коленом ему на грудь и занесла над головой свой меч. Затем, кажется, бросила меч и поцеловала богатыря. Тогда этот эпизод, несмотря на мой весьма нежный возраст, ужасно меня взволновал.

Такая вот сказка, в эту минуту очень ярко мне вспомнившаяся.

Ночь прошла, за окном забрезжил рассвет. Я лежал в постели, нашей с Аленкой общей постели, полностью опустошенный. Тело мое было невесомо, зато голова была ясной. Моя спасительница спала. Не раз много лет тому назад, когда мы с ней отдыхали у моря, я наблюдал как Аленка, тогда еще совсем девчонка, спит.

Теперь со мной рядом была совершенно другая – прекрасная молодая девушка-женщина, моя милая женщина, любившая меня всю эту долгую волшебную ночь. А до этого – возможно ли такое вообще? – смутной девчачьей любовью семь долгих лет.

Но... сейчас ничего общего с той двенадцатилетней девочкой из моей юности она не имела. Только спала, пожалуй, так же сладко, порой то хмурясь то улыбаясь чему-то во сне.

Всего лишь три ночи были нам подарены судьбой. Три ночи, наполненные необычайной нежностью и страстью. Затем Аленка уехала.

После ее отъезда я какое-то время тосковал, не находя себе места, затем встряхнулся, ожил, и вдруг понял, что жизнь моя не закончилась, что недавняя тоска, сковавшая мое сердце, отпустила, и что, возможно, я еще смогу любить и быть любимым.

Коктейль «Девичник».

Апельсиновый сок 50 мл.

Сахарный сироп 25 мл.

Лимонный сок 10 мл.

Вишневый сироп 30 мл.

Газированная вода 100 мл.

Высокий стакан, колотый лед, соломинка.

В стакан бросаем лед, затем все ингредиенты по порядку, смешиваем, заливаем сверху газированной водой.

1980г

Новелла вторая. Новый ресторан

*Секретари и председатели,
директора и заместители —
их как ни шли к е. ене матери,
они и там руководители.*

И.Губерман.

Открытие в нашем городе нового ресторана обещало стать грандиозным праздником.

Старый ресторан, построенный еще в 19 веке при румынах и просуществовавший более ста лет, долгое время был единственным в городе, и к концу 70-х уже совсем обветшал, а какой же город имеет моральное право называться городом, если в нем нет хорошего ресторана? Нет, местные власти подумали, конечно, о поддержании статуса города: вот уже несколько лет подряд на смену старому строился новый современный двухэтажный ресторан. Ввод этого ресторана в действие предназначен был внести хоть какое-то разнообразие в течение серых будней, в которых наш город безнадежно прозябал.

Только вот беда — «умные» городские архитекторы запроектировали и «посадили» его точно посередине между зданиями ДОСААФ, Дворца культуры, детским садом и спортивным комплексом — для ресторана более неудачного места, согласитесь, нельзя себе и представить. Хотя чего уж там, нынешний городской дом пионеров, например, располагается в бывшем — правда, до 40-х годов — публичном доме, что неизменно вызывает смех старожилов нашего города, а теперь стало предметом шуток и анекдотов для их детей и внуков.

Из-за не слишком удачного проекта работы на строящемся ресторане велись ни шатко ни валко, власти всерьез подумывали даже о перепрофилировании здания, когда в 1977 году в румынских Карпатах грянуло землетрясение, сильно потрясшее всех и вся в самой Румынии, а также в Молдавии, при этом пострадал и наш город, расположенный всего в нескольких километрах от границы. Среди множества прочих аварийным было признано и здание старого ресторана, по стенам и потолку которого пошли широкие опасные трещины, и тогда было решено — новому ресторану быть!

Каким-то чудом дознавшись, что в ресторане вместо кондитерского магазина в качестве эксперимента решено было устроить коктейль-бар — дело в нашем городе совершенно новое и незнакомое — я, взлелеяв утопическую мечту устроиться работать в новом ресторане барменом, отправился в общепит: до чертиков надоело работать по специальности, а именно — мастером на стройке. И мечта моя сбылась: меня приняли на работу, правда, пока лишь в старый ресторан и с испытательным сроком, но с перспективой последующего перевода в новый.

Итак, по утрам я стал приходить в строящийся ресторан — меня назначили ответственным за все материальные ценности, там находившиеся; кроме того, я наблюдал за ведущимися на объекте работами — как строителю мне все происходившее на объекте было небезынтересно, а вечерами, к 19 часам, я отправлялся в действующий ресторан, где до 24 часов, то есть до полуночи, работал в качестве эдакого Фигаро, заменяя то швейцара, то мясника, то гардеробщика, а то кухрабочего — принимал и выдавал пальто и куртки, рубил мясо, перемещал с места на место тяжелые мешки и ящики, или помогал буфетчице получать со склада различные товары.

По штатному расписанию я числился в старом ресторане администратором, но работу эту, естественно, знал очень поверхностно. Подчиненные мне официантки — в подавляющем большинстве прожженные дамочки от 40 до 50 — быстро нашли мне применение: любая проблема, возникавшая в зале, в гардеробной или на кухне — и меня тут же бросали в «прорыв».

К тому же я, единственный в ресторане молодой мужчина, должен был улаживать юридически возникавшие конфликты с клиентами, то есть успокаивать пьяных и агрессивных, а

также нежелающих платить по счетам. Я быстро смекнул, что при оплате всевозможных банкетов и свадеб официанткам администратор отчего-то не требовался, очевидно, они и сами неплохо умели деньги считать.

Разобравшись в ситуации, я очень быстро понял, что мне необходимо повысить свой образовательный уровень, и, заседев за специальные книжки, в пару недель проштудировал многие из них, а затем, по моему предложению и указанию директора общепита, была проведена аттестация всем работникам ресторана, включая официантов, и я был самым требовательным экзаменатором.

Что тут началось! Великовозрастные официантки, и среди прочих призер Всесоюзного конкурса официантов (!) (еще в 60-х годах) Вера Николаевна, и другие опытные работницы – ветераны общепита – бледнели и краснели, когда я без улыбки со всей строгостью требовал от них исполнить то сервировку стола юбиляра, то обслуживание в обнос, то детские именины – их высокие разряды требовали знания и умения всех этих видов обслуживания.

После аттестации мои подчиненные, – кое-кому из них понизили разряды и, естественно, зарплаты, – стали относиться ко мне всерьез и обращались теперь только по имени-отчеству, а вскоре я был допущен в сферу расчетов с клиентами, где особенно меня интересовали свадьбы, банкеты и другие торжественные мероприятия, на которых я теперь обязательно присутствовал в качестве администратора и одновременно официанта – семью-то надо было кормить, зарплата администратора, сто пять рублей в месяц, меня не вполне удовлетворяла.

Через несколько месяцев после начала работы из отдела кадров мне сообщили, что приняли еще одного парня, который будет работать в баре со мной на пару.

Мы познакомились: напарника звали Саша, фамилия – Чумаков. Это был высокий – за 190 см, парень с умными насмешливыми глазами и косым прибором русых волос. Он был всего лишь двумя годами старше меня, недавно отпраздновал 26-летие, но его житейский опыт на целый порядок превосходил мой. У Саши были большие ладони рабочего человека с длинными, слегка подрагивающими пальцами. Смеясь над собой он говорил, что дрожь эта оттого, что его пальцы машинально отбивают ритм, потому что он музыкант, профессиональный барабанщик.

Наш директор ресторана – Александра Семеновна – женщина 50-и лет, бодрая и энергичная, руководила ресторанными делами; Саша, мой напарник, оказавшийся личностью неординарной и мастером на все руки в наилучшем смысле этого слова, горячо взялся за обустройство бара и в течение нескольких месяцев превратил ободранное помещение в элегантный современный бар.

Саша, в отличие от меня, полного профана в барменском деле, прежде уже работал в баре, причем, не где-нибудь, а в Ялте – в международном молодежном центре, и, кроме того, в межсезонье, когда у него, как у профессионального музыканта, были перерывы в работе, в ресторанах родного ему Ворошиловграда официантом «на хозрасчете», то есть работал только за чаевые, не получая за это зарплаты – администратор попросту присваивал ее себе и делился затем с вышестоящим начальством.

Таким образом, он был специалистом в этой области – и слава богу! – хорошо же бы мы выглядели, если бы в нашем дуэте оба оказались дилетантами.

Музыкантом мой напарник был действительно профессиональным и очевидно неплохим: кто не слышал в середине и конце 70-х об оркестре заслуженного артиста Украины Юрия Богатикова, в также ВИА «Лейся песня» и «Добры молодцы», – наш Саша во всех этих коллективах работал барабанщиком. А вообще на эстраде он подвизался с 12 лет, играя в этом совсем еще юном возрасте профессионально на контрабасе; даже школу он закончил заочно, не имея времени и возможности посещать ее, как все нормальные дети. От себя могу лишь добавить

к этому, что настолько разносторонне развитых и талантливых людей, как он, мне в жизни ни до, ни после не приходилось встречать, – что и говорить, повезло мне с напарником.

Близился день открытия – это мы поняли по тому, что со складов стали завозить товары: водку всех сортов, коньяки, некоторые вина – из дорогих, ликеры, сиропы, соки, в том числе и импортные, пиво чешское, польское и немецкое в бутылках, мешок кофе в зернах, сигареты и многое другое, а также стаканы, бокалы, фужеры, рюмки, соломинки для коктейлей – невиданная до этого дня в наших краях вещь, ведерки для шампанского и прочие мелочи; Мария Ивановна – замдиректора общепита, пребывая в приподнятом настроении, принесла из дому несколько сортов варенья в банках для оформления и украшения коктейлей.

Обойдя несколько вещевых магазинов, я приобрел для нас с Сашей белые и черные пиджаки, он пошил из шелка и бархата несколько пар белых и черных бабочек – ведь внешний вид барменов тоже в нашем деле многое значил.

Бар руководство торгового предприятия для «обкатки» решило запустить в работу на две недели раньше ресторана. Все эти дни я с интересом и удовольствием постигал секреты совершенно новой для меня работы, учился работать с клиентами, затем мы с Сашей создали и наработали коктейли, которые потом отправили в Кишинев на утверждение.

В личном плане для меня самым приятным моментом в целой череде разнообразных и интересных событий этого периода стала встреча с моей «старой» знакомой – Аленкой, необыкновенно умной и привлекательной девушкой: я был знаком с ней уже около семи лет, с той поры, когда сам был юношей, а она – совсем еще девчонкой. Вновь встретившись после долгого перерыва, мы в первый же вечер стали близки, но это избитое выражение не может выразить всего того многообразия чувств и эмоций, всколыхнувших меня.

Но... пора возвращаться к главному повествованию. Многие в нашем городе – и сами работники ресторана, и потенциальные клиенты – день ото дня ожидали открытия, и вот, наконец, этот решающий день настал.

В этот день в баре должны были отдыхать «дорогие» – во всех смыслах этого слова – почетные гости, «слуги народа»; а наверху, в зал ресторана, во избежание возможного бардака и сумятицы по случаю открытия, решено было посторонних не пускать, а... отпраздновать день рождения, на котором могли бы присутствовать только свои – работники торгового предприятия и общепита, а также некоторые приглашенные со стороны гости. Да, обыкновенный день рождения – 18-летие дочери заведующей складами общепита Тамары Васильевны – Елены.

Тамару Васильевну знали в нашем городе все, кому положено было знать: работники райкома партии, райисполкома и горисполкома, высокое и среднее городское начальство и кое-что значившие в городе и районе руководители – директора, управляющие, заведующие, ответственные, некоторые врачи. Все дефициты к ним попадали через руки Тамары Васильевны: икорка, колбасы копченые и вареные, рыбка всякого рода и консервы – из тех, которых не бывает в свободной продаже.

Папа именинницы – дядя Костя, как все его называли, тоже был достаточно известной в нашем городе личностью: он работал старшим продавцом на лесоторговой базе и фактически всем там заправлял, пользуясь заслуженным уважением граждан города.

Сама Елена девица, что называется, кровь с молоком, полностью сформировавшаяся к совершеннолетию, высокая, крупная, симпатичная, с румянцем на щеках, была, ко всему прочему, завидной невестой. Вот уже несколько месяцев, как мы с ней проводили время в одной компании, составляя неразлучную четверку, в которую входили сама Елена, Ольга, ее лучшая подруга, и мы с Сашей. Мы часто бывали вместе – днем и вечером, в городе и в баре, а после работы, около полуночи, отправлялись к соленому озеру, где купались нагишом, смеялись и бесились, молодой задор так и кипел в нас... но все же наши отношения до сих пор не включали в себя секс. Сашка с Еленой за эти месяцы сблизилась, но при этом они дружили словно дети и до сих пор еще не перешли к интиму, иначе мы с Ольгой непременно бы об этом узнали.

Впрочем, и нас с Ольгой все это время связывала лишь платоническая дружба – мы с ней иногда до запоя целовались, но к своему телу она меня не допускала.

И вот сегодня, взглянув на именинницу немного несколько под иным углом зрения, я вдруг сообразил: да ведь Елена – невеста! И первым кандидатом в женихи выступил, к моему несказанному удивлению, мой напарник – Саша Чумаков. Почему к удивлению, спросите вы, как я мог не знать об этом? И будете правы, я даже не подозревал, что Сашка на полном серьезе решил свататься к Ленке. И лишь хорошо поразмыслив, я наконец понял, с чего это он, парень вполне разумный и практичный, проводил с нами, несмышленишками, массу времени: у него, оказывается, были на то свои причины, то есть целью его, по большому счету, были деньги. ДЕНЬГИ!

Да, именно так, с большой буквы, большие деньги, путь к которым открывала женитьба на Елене. Потому, что кроме всего того, что могли заработать на своих «хлебных» местах родители Елены – а это, согласитесь, совсем немало, речь шла о совершенно других деньгах, даже не снисшимся многим миллионам простых советских людей.

Дядя Костя, грек по происхождению, был одним из наследников отца-миллионера, проживавшего в Греции, и слухи, наводнившие город в последнее время, говорили о том, что в наш городской банк уже поступили на его имя деньги – что-то около полутора миллионов рублей – эквивалент двух миллионов долларов, подаренных отцом сыну. Да, это был бы, доберись Сашка до этих денег, действительно куш! А я, наивный, еще удивился поначалу, чего это он прибыл на день рождения весь такой из себя серьезный и нарядный – а напарник мой, проведя много лет на сцене, умел, надо признать, красиво одеться и достойно подать себя; его сопровождала мама, тоже разнаряженная, словно новогодняя елка, со множеством золотых украшений на руках, груди и на шее.

Едва кивнув мне, они деловито проследовали через бар, направляясь вверх – поздравлять именинницу. Ольга, подруга именинницы, тем временем спустилась ко мне, «соскучилась» – как она выразилась; перегнувшись через стойку, она застенчиво ткнула носом в мою шею, поцеловала где-то за ухом, и присела на пуфик напротив.

– Я хочу немного побыть с тобой, Савва, – сказала она, ласково улыбаясь. – Там, – она указала пальчиком вверх, – сейчас конкурс подарков, не до меня. – И добавила кокетливо: – Разрешаешь, пока твои гости не пришли?

– Сиди, конечно, – сказал я, затем спросил: – Выпьешь какой-нибудь коктейль? – Я достал высокий, фирменный, с гоночными автомобилями, чешского стекла стакан; каждый из нас четверых имел в баре свой стакан, персональный: ее был «Макларен», мой – «Лотус».

– Что ты, что ты? Налей сок, вся пьянка еще впереди. – И Ольга, откинувшись на пуфе, томным взглядом поглядела на меня. Что ж, глядя на нее, следовало признать, что она была очень хороша – высокая стройная брюнетка, внешне интересная и привлекательная; черное открытое приталенное платье только подчеркивало ее великолепные формы. Ей, также как и имениннице, было 18 – уже исполнилось около двух месяцев тому назад. Признаюсь, с самого первого дня нашего знакомства я хотел, я, наконец, просто жаждал ее, но дальше объятий и поцелуйчиков у нас дело не шло, несмотря на то, что я был взрослым, женатым 24-х летним мужчиной, а она – женщиной: в ее жизни, как мне было известно, уже «случилось» несколько романов с мужчинами. Возможно, Ольга до сих пор придерживала меня на дистанции потому, что видела во мне потенциального жениха (зная о моих, мягко говоря, не очень хороших отношениях с женой). А встретились мы с Ольгой случайно во время какой-то вечеринки несколько месяцев тому назад, на которой присутствовали также Саша и Елена: тогда, помнится, все мы очень быстро подружились, а затем между мной и Ольгой начались нежные отношения...

Прервав на этом месте свои воспоминания и глядя на Ольгу, я улыбнулся своим мыслям, полагая, что теперь-то наверняка знаю мечту-задумку наших подружек-невестушек. «Через

несколько месяцев будем гулять две свадьбы, причем и пары уже составлены: Ольга и Савва, Лена и Саша» – так, наверное, думали они.

Однако, мне вновь следует вернуться к нашему повествованию.

Итак: открытие ресторана – обычный летний день, суббота. Беспокойная душа первого секретаря райкома рвалась и жаждала праздника – и он его получил – праздник состоялся!

В гости к нам – прямиком из столицы Молдавии города Кишинева, прибыли: министр гражданского строительства МССР; министр торговли МССР; министр сельского строительства (не путать с первым!) – наш земляк, он приехал вместе со своим заместителем; заводделом ЦК МССР, курирующий торговлю – его, соответственно должности, надо было бы поставить в список первым номером; зампредгосплана МССР – почетный гость; председатель госкомитета печати на правах министра – совсем еще молодой мужчина, также наш земляк, обожатель моей дражайшей супруги, не раз делавший ей всевозможные увлекательные предложения; первые секретари партии соседних районов – Вулканештского и Леовского, председатели горисполкома и райисполкома; и, наконец, сам «именинник» – первый секретарь райкома Юрий Никитович, – всего набралось 25 человек; последним из приглашенных был Володя Толстолобик – единственный человек, имевший непосредственное отношение к строительству и оформлению ресторана. Он, впрочем, при первой же возможности улизнул из «высокой» компании и устремился наверх, где праздновался день рождения – публика там была попроще, получше и, главное, там находилась возжеленная им замдиректора общепита Марья Ивановна – женщина еще довольно молодая и весьма привлекательная.

Обслуживать «высокое начальство» пригласили опытную официантку 28-летнюю Машу из старого ресторана – с сегодняшнего дня он получил пониженный статус и другое название – кафе «Весна». Маша была симпатичная и довольно аппетитная бабенка с круто очерченными бедрами и другими выпуклыми частями тела, рвущимися из-под узкого форменного платья и притягивающими мужские взгляды. Ей помогали, периодически спускаясь со второго этажа, наши новенькие официантки – 17-летние Виктория и Нина – эти девушки прибыли в наш город прямиком из Кишиневского торгового училища, которое всего несколькими неделями раньше закончили.

Столы, устроенные в центре бара, были сервированы по высшему разряду; все блюда были исполнены с высоким мастерством и исключительно из высококачественных продуктов.

Наверху звучала музыка, два оркестра по очереди озвучивали сегодняшний именинный банкет: молодежное ВИА в составе двух гитаристов, барабанщика и клавишника, – они входили в моду по всей стране; вторым был оркестр из старого ресторана: ударные, контрабас, аккордеон, скрипка, флейта и саксофон. Сегодня начальству предстояло решить, какому из этих оркестров отдать предпочтение, что, соответственно, открывало избранным возможность работать в новом ресторане, то есть, по сути говоря, для музыкантов это был конкурс.

ВИА, повторяю, был представлен четырьмя молодыми парнями с длинными неухоженными прическами «под битлов»; старый оркестр был более живописен и являл собой эдакий малый интернационал: в нем играли русский, цыган, болгарин, молдаванин, украинец и еврей – то есть, в нем были представлены все основные, населяющие Молдавию национальности, исключая разве что гагаузскую – очевидно, размеров оркестра не хватило.

Праздник начался шумно и весело – наверху, в зале, зазвучали здравицы в честь именинницы, а у нас внизу, в баре – в честь первого секретаря райкома партии Юрия Никитовича, ведь все понимали что ресторан – это любимое, выпестованное им детище.

Первый тост, произнесенный работником ЦК, был самым уместным – за победу коммунизма во всем мире (предполагалось, видимо, что открытие нашего ресторана очень могло поспособствовать этому процессу). Затем были тосты менее глобальные, по очереди вставали министры, их сменили местные партийные бонзы, затем встал наш Первый – Юрий Никитович и обвел всех присутствующих строгим взглядом с высоты своего немалого роста. Его, откры-

венно говоря, в руководстве республики весьма уважали, а некоторые даже побаивались, стараясь заручиться его дружбой и поддержкой, потому что он имел все реальные шансы для дальнейшего продвижения, – рост, солидность, представительность, относительно молодой возраст; был грамотен – сельхозобразование, высшая партшкола; он также умел выпить три бутылки водки и, при этом, как ни в чем не бывало, продолжать говорить одними лишь партийными цитатами; кроме того, он носил на груди два ордена Ленина, а третий, как известно, давался обязательно в паре с медалью Героя Соцтруда.

Свою речь наш герой завершил, как обычно, своим любимым выражением: «Желаю вам, дорогие товарищи, всяческих благ». И конечно же все выпили. До дна.

Вскоре я заметил, что присутствующие – все без исключения – не пропускают ни одного тоста, методично накачиваясь водкой, словно верблюды водой после долгого перехода по пустыне.

Строгости в этикете по ходу празднества не было никакой – все, кто желал, могли выйти из-за стола и пойти прогуляться, что многие и делали, из-за чего у меня с начальником милиции Иван Ивановичем вышел казус: он вдруг вспомнил, что является ответственным за безопасность высоких гостей (наш районный начальник КГБ, большой любитель выпить, отговорился от этой обязанности тем, что у него не было в наличии достаточного количества людей) и сказал мне: «Савва, я запрещаю кому-либо покидать бар».

– Попробуй скажи это сам кому-либо из них, – прошептал я ему на ухо. – Лучше будет, если ты вызовешь сюда несколько оперативников в гражданской одежде, да чтобы рожи у них были поинтеллигентнее, дабы не напугать гостей. И пусть стоят по двое у каждой двери, всем улыбаются и следят за порядком.

Иван Иванович пошамкал губами, лицо его, и прежде красного оттенка, налилось в этот момент кровью и сделалось свекольного цвета, и все же ему достало ума понять, что я был прав, и он сказал:

– Гм... Где тут у тебя... ну-ка дай мне по телефону позвонить.

Я пропустил его к телефону, а тем временем к стойке бара присели министр торговли и министр строительства.

– Сделай-ка мне, Савва, большую чашку кофе, – попросил меня министр торговли, – и добавь туда для вкуса пару капель коньяка.

Министр строительства тем временем указывая на меня спросил его:

– А почему, собственно, Петр Николаевич, мои дипломированные работники, как, например, наш бармен, уходят работать к тебе, в торговлю?

При этих словах я, честно говоря, немного струхнул и, нацепив на лицо угодливую улыбку, весь превратился в слух – иди знай, возьмет сейчас министр торговли и «отдарит» меня своему другу-министру обратно. Да, и самое главное, откуда он знал мое.

– Плохо платишь, – ответил министр торговли, по-мальчишески подмигивая мне. – Вот и бегут ваши люди к нам, в торговлю. И вообще у нас веселее, не то, что у тебя на стройке – скукота, хотя и там и здесь все одно и тоже – пьют.

Не успел я вздохнуть, успокаиваясь, понимая, что разговор, на мое счастье, принял шуточный характер, как мои клиенты встали и куда-то ушли, и к стойке подошел заведомо ЦК – главный гость и самая большая «шишка» на празднестве.

– Слышишь ты, как тебя там?.. – произнес он, вперившись в меня тяжелым пьяным взглядом. – Сколько ты имеешь здесь в месяц?

– Вы... имеете в виду, какая у меня зарплата? – спросил я и тут же бодро ответил: – Оклад у нас 87 рублей.

– Нет, – скривился он, – сколько ты имеешь сверху, кроме зарплаты?

– Не знаю, – стараясь не раздражаться, ответил я. – Я первый месяц здесь работаю и еще не знаю сколько будет сверху.

– Вот у меня, например, зарплата 370 рублей, – скрипя зубами и наваливаясь на стойку, произнес он, – а у вас, барменов, я знаю, гораздо больше в месяц выходит.

Мне бы промолчать, улыбнуться, сдержаться, опустить голову, но я действительно работал в торговле первый месяц и опыта никакого не имел, поэтому сказал:

– Я что-то не пойму, товарищ, вы со мной что, местами работы желаете поменяться? Так я уже заранее согласен. Если только меня на ваше место возьмут.

У большого «босса» перекошилось лицо и он размашисто шлепнул ладонью по стойке, желая, видимо, продолжить интересующий его разговор, но в эту минуту, к счастью, подоспел наш директор торгова Владимир Викторович, он нежно за плечи обнял своего главного республиканского начальника по партийно-торговой линии и увел куда-то, на душе у меня от этого разговора остался тошнотворный осадок.

Устав уже от начальственных лиц до ряби в глазах, я решил прогуляться и, сунув в зубы сигарету, направился к выходу.

Маша-официантка, наводя на столах порядок, легко порхала вокруг стола; она, несмотря на свои мощные формы, телом владела виртуозно, успевая одновременно и работать и каким-то чудом уворачиваться от рук клиентов, которые, не сумев обнять ее, старались хотя бы ущипнуть за какую-нибудь аппетитно оттопыривающуюся часть ее тела.

Первыми, кого я увидел, выйдя на улицу, были замминистра сельского строительства и наш зампредгорисполкома: покачиваясь, они шли, обнявшись, тем самым уравнивая друг друга, у обоих брюки до самого низа были мокрыми, и я даже не сразу понял, что они банально обоссались. Одновременно, так сказать на брудершафт. Веселые ребята, подумал я, им, наверное, не сказали, что рядом с баром, в фойе ресторана, функционирует туалет.

Пройдясь немного по аллее от ресторана в сторону ДОСААФ, я вдруг обратил внимание, что кусты, которые в этой части зеленого массива растут особенно густо, как-то странно шевелятся. Я немедленно направился туда в надежде обнаружить нечто любопытное, но заметил вначале офицерские погоны с тремя маленькими звездочками на каждом, тускло блеснувшими в свете луны, а затем и их обладателя, милиционера, тот с придыханием сосредоточенно и методично пинал распростертое на земле тело.

Я огляделся по сторонам, поблизости больше никого не было.

– Достаточно, – сказал я, схватив милиционера за плечо. Тот вначале дернулся, резко обернулся, затем, увидев и узнав меня, оскалился и пробормотал:

– Савва, я тут одного гада... не обращай внимания, я его должен проучить.

– Постой секундочку, – сказал я и наклонился к лежащему. Повернул незнакомца окровавленным лицом вверх и узнал в нем... сына начальника милиции, Игоря. Возрастом совсем еще мальчишка, парень этот заметно отличался от сверстников взрослостью, а внешне и вовсе выглядел таким голливудским киногероем – лицо его было крупным и породистым. Сейчас же, конечно, Игорь представлял собой весьма жалкое зрелище, лицо его было разбито в кровь, но, самое главное, парень дышал, хотя и шумно, с натугой.

– Знаешь что, давай-ка ты сваливай отсюда по-хорошему, – сказал я лейтенанту. – А я все улажу.

– Да я его... – дернулся было тот, – на куски порву, он меня сукой ментовской назвал.

Я усмехнулся.

– Эх ты, ему позволено так говорить, это же сын Иван Ивановича, твоего босса. А начальственных детей надо знать в личность.

Лицо лейтенанта побелело, на нем, даже при свете луны было заметно, не осталось и кровинки.

– А что же теперь будет-то... е... твою мать, вот угораздило.

– Немедленно уходи и понадейся на меня, я все устрою, – повторил я и хлопнув милиционера по спине, вышел из кустов и направился к ресторану. Набрав 02 на телефоне-автомате,

что висит в фойе, я сказал дежурному, что в кустах у ресторана лежит избитый сын начальника милиции и, не назвавшись, положил трубку. Хотя отец Игоря Иван Иванович находился совсем рядом, в ресторане, с ним я говорить о случившемся не собирался, и вы, наверное, догадываетесь, почему.

Пока я звонил, рядом послышались громкие голоса: министр торговли как раз делал по ресторану обход; с двух сторон его поддерживали под руки наш первый секретарь и директор торгового, который каким-то образом уже успел избавиться от хмурого и завистливого заведомо ЦК.

– Что-то я не видел таких люстр в моем хозяйстве, – сказал министр торговли, задирая голову вверх и указывая на огромную люстру, висящую над лестницей, ведущей в зал.

– А это наш бармен своими руками изготовил, – гордо сказал Владимир Викторович оглядевшись по сторонам и указывая на меня пальцем, и мне осталось только поклониться, не мог же я в эту минуту им начать объяснять, что люстру сделал вовсе не я, а мой напарник Саша – мастер «золотые руки».

– А из чего сделал? – спросил министр, вслух продолжая удивляться, какой красивой и солидной вышла самодельная люстра.

– Собрали и сварили из шести настенных бра, – подойдя ближе, бойко пояснил я. – Не знали, куда их прицепить и вот...

– Неплохо, очень неплохо получилось, – похвалил министр, – талантливые у вас тут ребята, как я погляжу, все умеют. – И обращаясь ко мне, хитро спросил: – Вот все у вас хорошо, как я понял, все замечательно, а девушки у вас есть? – И сразу добавил: – для развлечений, я имею в виду. Блондинки там, рыженькие или брюнетки, ну ты понимаешь о чем я.

– Понимаю, а как же, – не сморгнув, ответил я. – Имеются, конечно. Вам с какой пропиской, подойдет с местной или же обязательно со столичной, кишиневской?

Министр, мужик совсем еще не старый, при последних моих словах смутился, вспомнив, наверное, что в Кишиневе у него семья – жена и дети, поэтому вздохнул и махнув рукой стал подниматься по ступеням.

– Пойдемте наверх, – обратился он к своим попутчикам, – мы еще именинницу не поздравляли, а то некрасиво получается – мы вроде как бы тоже приглашены. – И в окружении сопровождающих лиц он продолжил свой путь; позади всех водитель министра, пытаясь от натуги, волок в большом картонном ящике подарок.

Как очень скоро выяснилось, Сашке Чумакову вместе с его мамой не удалось превратить день рождения в обручение, а при благоприятном развитии ситуации, в свадьбу. Родители именинницы твердо отвергли их поползновения после первых же намеков на наследство, к тому же Тамара Васильевна, как оказалось, почему-то считала, что не Сашка, а я встречаюсь с ее дочерью Еленой. Не знаю каким образом моя личность вообще бралась ею в расчет: по всем раскладам – будь у Ленки женихов количеством даже под сотню – я был бы в их обойме, безусловно, последним номером, ведь по финансовым своим возможностям я «стремился к нулю».

Главный оформитель ресторана Володя Толстолобик станцевал с Марией Ивановной несколько танцев подряд, не обращая внимания на ее мужа и не подозревая о том, что они с партнершей выглядят со стороны несколько забавно, – Володя был на голову ниже своей воздыхательницы. Затем, видимо всерьез огорчившись тем, что такая шикарная женщина принадлежит не ему, а кому-то другому, Володя направился к столу и в короткий период времени – в каких-нибудь полчаса – вылакал 7(семь) полных фужеров водки, а ведь буквально накануне хвастал всем что «завязал» – бросил пить. Запив водку тремя фужерами шампанского, он ни с кем не прощаясь вышел на улицу, сел в свой знаменитый на всю Молдавию «запорожец» и укатил к себе в Кишинев.

Он оказался первой «потерей» среди гостей, вскоре следом за ним по домам потянулись другие; ну а бар, пока меня не было на месте, жил своей обособленной жизнью: партийные начальники среднего звена, ввиду отсутствия главных начальников, «расползшихся» по ресторану, очень скоро дошли до предела: они на спор выпивали 700-граммовый наполненный водкой фужер штучного чешского стекла ручной работы, – каждый из которых был произведением искусства, – затем с размаху шлепали им об бетонный пол, в короткое время разбив мне около полутора десятков фужеров из 24, имевшихся в наличии. Остановились они лишь тогда, когда я демонстративно убрал со стойки все оставшиеся фужеры.

Мой напарник Саша и его мама, расстроенные неудачей, в самый разгар празднества, где-то около полуночи, заглянули ко мне в бар; Сашка, рассеянно посмотрев сквозь меня, небрежно кивнул на прощание и, взяв маму под руку, отправился домой.

Следом за ними заскочили развратившиеся, разгоряченные танцами и шампанским Оля и Ленка-именинница. Девчонки громко и весело разговаривали; Ленка, подойдя и взявшись руками за борта моего пиджака, притянула меня к себе и звучно поцеловала в губы, после чего девушки по секрету признались мне, что хотят сбежать в город, так как им здесь, среди взрослых, скучно. Я заговорщицки подмигнув им, сказал что если их хватятся и начнут разыскивать, я сообщу маме именинницы где они, после чего девицы, взявшись за руки, выпорхнули из бара и исчезли в ночи.

К этому времени мои гости – «стойкие» коммунисты были уже совсем никакие: их опытные водители по одному обманом и уговорами выводили «слуг народа» на улицу, усаживали в машины и увозили кого по домам, а кого в гостиницу райкома партии. «Большой босс» – заведомо ЦК, перед уходом подошел ко мне, и я весь напрягся. «Ну, что этот товарищ на этот раз придумает?», – неприязненно подумал я. Предчувствие меня не обмануло: он таки придумал.

– На вот, возьми, – поковырявшись в кармане он швырнул на стойку две смятых рублевых бумажки. – Чтобы опять потом не было разговоров, что я на банкете ел-пил бесплатно. – Он звучно гыкнул. – Претензий ко мне нет?

– Боже сохрани, – ответил я, подняв руки вверх.

– То-то же.

Было уже около четырех утра, когда даже самые стойкие клиенты, наконец, разошлись, и официантки, уже падавшие к этому времени с ног от усталости, смогли перевести дух. В баре еще оставалась Виктория – невысокая, черноволосая, постриженная под «гарсон» девушка, ее постоянно улыбающиеся глазки, узкие как у японки, от которых, признаюсь, я был просто в восторге, к этому часу превратились в щелочки.

– Вика, – остановил я девушку, совершающую очередной «рейд» с подносом грязной посуды. – Ты не хотела бы искупаться в душе после такой работы?

– Искупаться? Где? Здесь, в ресторане? – откликнулась она. – Я бы с удовольствием, только у меня нет с собой полотенца.

– Так у меня есть, – сказал я, доставая пакет из своей сумки. – Оно большое, рассчитано на двоих.

– Так ты мне и спинку собираешься потерять? – спросила она кокетливо, принимая пакет из моих рук, и я, не имея сил ответить, лишь кивнул ей. Я проводил девушку до душевой, настроил горячую воду, извинился, быстренько вернулся в бар, молниеносно постелил в одной из кабинок матрас, который вот уже несколько месяцев как получил «прописку» в баре, и вновь бегом отправился назад.

Немного стеснясь, мы действительно потеряли друг другу спинку, а после купания вернулись в бар. Ресторан, опустевший наконец после долгого и бурного празднества, казался теперь совершенно вымершим. На мое робкое предложение провести остаток ночи вдвоем, Виктория доверчиво потянулась ко мне своими маленькими ручками и почти упала в мои объятия.

Так начался наш с ней «роман», затянувшийся на два года, и прервавшийся окончательно лишь с ее отъездом в Кишинев.

Разбудили нас до обидного рано, в восемь утра, и мне пришлось, поцеловав Вику на прощание, выпроводить ее потихоньку за дверь, потому что, как сообщил мне дежурный по райкому партии, я срочно должен был выехать в село Старые Криганы за свежей рыбой, а заодно и за поваром, проживавшем в том же селе и обалденно варившем уху. Уха требовалась начальственным желудкам на опохмелку, поскольку, как вы сами понимаете, самое главное в любой пьянке – грамотно опохмелиться.

Райкомовская «волга» быстро домчала нас до места, и вскоре я увидел цепь искусственных каналов и озер, принадлежавших местному рыбхозу, в которых выращивалась рыба самых разнообразных видов. Бывший капитан НКВД-МГБ-КГБ Сергеев, теперь пенсионер, но в то же время стойкий и неподкупный страж на складах рыбхоза, был предупрежден о нашем приезде, поэтому безропотно выделил требуемое количество дефицитной рыбы (естественно, бесплатно), и даже помог погрузить две полные корзины в общепитовский мотороллер. Машина тем временем доставила из дома поднятого из постели повара и мы отправились в обратный путь.

Часа через полтора у себя в баре я хлебал ложкой из кастрюльки средних размеров необычайно вкусную наваристую уху, и с ручкой в руке подсчитывал финансовые потери.

Всего начальственными лицами вчера было выпито «горячительных» напитков на сумму 650 рублей, и это только по бару, не считая поданных со складов и кухни блюд и закусок. Вместе с тем, что было украдено вчера утром электриками, устанавливающими в моем складе сигнализацию (я, по простоте душевной, оставил их там на 20 минут без присмотра), это составило $650 + 350 = 1000$. Тысяча рублей недостачи в кассе – хорошенькое начало! Ах да, я чуть было не забыл, два рубля ведь мне вчера заплатили, начальник ЦКовский внес, так что итоговая циферка уже не круглая, всего 998 р. в убытке.

Если бы сейчас в баре взять да провести ревизию, нас с Сашей Чумаковым по ее результатам и по итогам всего лишь одного дня работы вполне можно было судить и посадить, и получили бы мы ни много, ни мало от 3 до 7 лет лишения свободы с конфискацией имущества. Здорово, а?! Бежать что ли, пока не поздно, с этой работы, мелькнула у меня шальная мысль.

Нет, поздно. Теперь будем биться до конца.

Июль 1980

Коктейль «Серенада».

Апельсиновый сироп 20 мл.

Ванильный сироп 20 мл.

Гранатовый сок 100 мл.

Газированная вода 100 мл.

Ломтики апельсина.

Смешиваем ингредиенты, украшаем ломтиками апельсина.

Новелла третья. Капитанская дочка

*Приснилась мне юность отпетая,
приятели – мусор эпохи,
и юная дева, одетая
в одни лишь любовные вздохи.*

И.Губерман

Душно. Не спится. Я приподнялся в постели и осторожно перевернулся на другой бок; диван противно скрипнул, однако дыхание моей супруги, спящей рядом, оставалось по-прежнему тихим и ровным. Я осторожно сполз с дивана, и в этот самый момент в прихожей негромко забренчал телефон, прозвенел один раз и на втором звонке оборвался. Я сморщился словно от зубной боли, но жена и на этот раз не шелохнулась. И только выйдя на кухню и выпив кружку воды я вспомнил!.. Ведь это был не простой, а кодовый звонок! Один – плюс. Это означало, что я срочно нужен своему товарищу Кондрату, то есть мне надлежит в течение десяти ближайших минут быть на улице. А на часах без двадцати минут двенадцать.

Я снял со стула висевшие на нем брюки и рубашку, на цыпочках вышел в коридор и, не включая света, стал одеваться, недоумевая, зачем я мог своему товарищу в такое позднее время понадобиться. Заметив на тумбочке рядом с телефоном пачку «Мальборо», я сунул ее в карман, следом спички, вышел за дверь, и тихо затворив ее за собой, запер на ключ.

Спускаюсь вниз, огибаю дом и останавливаюсь у бетонной автобусной остановки, которая располагается позади моей четырехэтажки. Пустынное в этот час шоссе тянется передо мной, окаймленное с двух сторон небольшими деревьями. Темные силуэты зданий выделялись на фоне еще более темного неба. В ожидании проходит несколько томительных минут, затем я замечаю свет фар идущей от центра города машины, они на добрую сотню метров впереди себя освещают шоссе, вырывая из темноты дома и деревья. Я ступаю на дорогу и призывно машу рукой. Машина начинает тормозить, съезжает на обочину, ее слегка заносит на придорожной пыли, наконец она останавливается, фары гаснут, и тишина, окружавшая меня еще несколько мгновений назад, взрывается громкими голосами. Ну, конечно же, это наши!

Передо мной гастрольная машина нашей компании – желтый раздолбанный «жигуль», за рулем которого восседает ее хозяин Игорь, по кличке Жердь, рядом с ним Кондрат, оба – мои лучшие друзья.

– Не удивился, что я так поздно позвонил? – спрашивает меня Кондрат, выбираясь со своего места рядом с водителем – из-за высокого роста у него это получается не слишком быстро.

– Вот он, наш дружбан Савва, – громко кричит Игорь, перебивая товарища, – бедняга, ожидая нас, уже просто изнемог со скуки.

Опередив Кондрата, Игорь подходит первым и довольно чувствительно хлопает меня по плечу – сразу видно, что он сегодня крепко выпил. Мы пожимаем друг другу руки, смеемся, спрашиваем как самочувствие. На заднем сиденье располагаются три незнакомые мне девушки, их лица пятнами мелькают в проеме открытого окна. Судя по переливистому смеху и громким восклицаниям, они тоже немало выпили. Кондрат берет меня за руку, отводит в сторону и шепчет:

– Нам предстоит одно срочное дельце, и для этого мне понадобился ты. Сейчас поедем на озеро, там вплотную займешься моей бывшей подружкой Маринкой. Помнишь, я тебе говорил, что решил от нее избавиться?

– Ага, – киваю я что-то такое припоминая, – говорил. Ты еще сказал, что она твоя подруга чуть ли не с детских лет.

– Именно так, – соглашается Кондрат и шутливо кривится. – Настолько застарелая зазноба, что я уже устал и от нее и ее дурацких претензий. Ну, поехали. По машинам, друзья мои, – командует он, зачем-то поглядев на часы.

Мы залезаем внутрь, ребята – по своим местам, я назад – к девушкам; они теснятся, уступая мне место, я усаживаюсь поудобнее, и сразу же ближайшую из них перетягиваю к себе на колени – так свободнее сидеть остальным и мне гораздо приятнее.

Игорь трогает с места и переполненная машина, управляемая нетрезвым водителем, противно визжа на виражах шинами, мчится по ночным улицам.

Кондрат, полуобернувшись назад, знакомит меня с девушками: Саша, Люся и Марина, назвав последнее имя, он легко щипает меня за локоть. В темноте я девушек практически не различаю – вижу лишь славные девчачьи личики и все. И лишь пару раз подпрыгнув на ухабах, и вспомнив слова Кондрата, сказанные им пять минут назад, я начинаю соображать о чем собственно речь.

Одна из девушек – Марина, по кличке «Капитанская дочка» – была Кондрату совсем еще недавно близкой и неразлучной подругой, и хотя жениться им по возрасту еще как бы рановато – обоим всего по 17, – друзья и даже родители считали их женихом и невестой, настолько они были дружны и близки между собой. Но совсем недавно что-то надломилось в их отношениях и, как это нередко бывает, моментально разладилось, и теперь Кондрат решил поднадоевшую ему подругу спихнуть товарищу, в данном случае мне, с конкретной целью – избавиться от нее.

Лучший способ провести подобное мероприятие – это устроить приличную гулянку с друзьями и подругами, и затем, даже если товарищу не удастся соблазнить твою девушку, все равно есть повод для «сцен ревности» со словами укора: «А помнишь, ты с ним обнималась... сидела у него на коленях... целовалась... он тебя трогал за задницу...» и так далее – претензии можно продолжать до бесконечности.

Метод, согласен, нечистоплотный, но зато, согласитесь, может оказаться весьма действенным.

Кличку «Капитанская дочка» Маринка, как рассказывал мне когда-то Кондрат, получила из-за своего отца и носила чуть ли не с самого детства. Отец ее, офицер, служил на расположенной вблизи города радиолокаторной станции, но, несмотря на солидную армейскую выслугу, вот уже больше десяти лет оставался капитаном безо всякой, как все уже понимали, надежды на повышение.

Машина, подпрыгнув на очередной кочке, прервала ход моих мыслей, и я с беспокойством бросил взгляд на водителя.

Игорь умудряется на ходу, просунув руку между сидений, щипать девушек за колени – визг и громкий пьяный хохот разносится из нашей машины далеко по городу, и, отражаясь от домов, возвращается дробным эхом. Я пытаюсь разглядеть лицо девушки, которую зовут Маринка. Моя будущая «жертва» очень весела, она даже не предполагает, бедненькая, какая «угроза» в моем лице нависла над ней.

Впрочем, веселы были и обе ее подружки – вся честная компания, оказывается, с самого обеда и до сих пор, вплоть до приезда ко мне, пила на квартире у Кондрата вино, закончив которое, перешла на коньяк. А закусывали, за неимением чего-либо более существенного, яблоками.

В верхней части улицы Танкистов, – в нашем городе есть и такая – около столовой № 6 мы притормаживаем, и 01-ая «старушка», поскрипывая всеми своими больными, склерозными железками, поворачивает направо, на грунтовую дорогу, спускается по ней к пресному озеру, катится по дамбе, затем сворачивает налево и въезжая на пляж, останавливается.

Все, мы на месте. С тех пор, как горисполком с целью искоренения в городе разврата, принялся за уничтожение двух прекрасных парков, расположенных в центре города, и, надо сказать, достаточно преуспел в этом деле, молодежная ночная жизнь сместилась сюда, к озеру,

которое находилось все же несколько в стороне от города, хотя всего-навсего в двадцати минутах ходьбы от центра. Теперь по ночам здесь можно было встретить любителей поплавать, купающихся в озере почти круглосуточно; множество гуляющих и целующихся под лунной пар; а в местах, чуть удаленных от пляжа, всегда можно было услышать вздохи-ахи и был риск споткнуться об чьи-то ноги, торчащие из-за кустиков.

Странно, но сегодня, когда мы вышли из машины и огляделись, несмотря на достаточно теплую ночь купающихся в озере мы не обнаружили, и даже влюбленных парочек поблизости не было; нас приветствовал лишь хор сверчков, чуть дальше, из высоких, более чем в рост человека камышей, ему вторило нестройное кваканье лягушек.

Игорь, явно не удовлетворенный этими звуками, вставил кассету в магнитофон, и мы тут же устроили вокруг машины то ли хоровод, то ли танец африканских аборигенов под музыку «Роллинг стоунз», ревущую из автомобильных динамиков.

Для того, чтобы гармонично вписаться в общий ритм, я опрокинул в себя полстакана коньяка, любезно поданного мне Кондратом – чуть вязущая благодатная жидкость приятно щекотнула горло, пролилась внутрь, обожгла внутренности и весело побежала по жилам, взбодривая организм. Укусив теплое яблоко, услужливо протянутое Маринкиной рукой, я вдруг явственно ощутил себя участником известного библейского сюжета – искушение: я был Адамом, вкусившим яблоко; Маринка (а она была очень даже неплоха в образе Евы) – тоже откусывает от яблока; на роль змея-искусителя подходит Кондрат (вот только я не был уверен в том, что змей Адаму когда-либо наливал коньяк).

Вспомнив о своем задании, я хватаю Маринку за руку, и мы продолжаем танец уже вместе с ней словно старые знакомые, хотя до сегодняшнего дня я этой девушки и в глаза не видел.

Внезапно окончилась кассета, но накал всеобщего веселья был настолько высок, что мы продолжаем беситься и отделяваем головокружительные па в воздухе и кувыркаемся в песке.

Игорь, самый «мелкий» мужичек в нашей компании, от избытка эмоций хватается за руки самую полненькую из девушек – Сашеньку, и несет ее к воде. Все хохочут, и теперь уже Маринка тянет меня за руку с криком: «Бежим купаться».

Кондрат, самый степенный из нас и рассудительный, усердно жестикулируя что-то в это время объясняет Люсе, а «моя» Маринка кричит: «Дикий пляж, давайте устроим дикий пляж», после чего, ни на кого не обращая внимания, начинает раздеваться. Мне вроде как бы тоже стесняться нечего, но плавки я снимаю лишь тогда, когда Маринка остается в чем мать родила.

(А ведь линия библейского сюжета – эй-эй! – продолжается).

Мы с дикими воплями несемся к воде, серебристая лунная дорожка бросается нам навстречу, мы, не разжимая рук, шлепаемся в теплую, как парное молоко воду, разбивая эту дорожку вдребезги на множество отдельных светлячков. Игорь, не дожидаясь пока Сашенька разденется, затягивает ее в воду прямо в одежде, а мы с Маринкой отгребая в сторону, в десяти шагах нас уже практически не видно. Необычайное чувство восторга и свободы охватывает меня и я заключаю Маринку в объятия – ее прохладное, гладкое тело приятно скользит в моих руках, она откидывает голову и, черпая ладошками воду брызгает ею во все стороны, заливаясь при этом хохотом. Потом внезапно замолкает и, обхватив меня за шею руками, забрасывает бедра мне на пояс. Я лихорадочно ищу, куда вставить мое уже напряженное «естество», нахожу, проталкиваю в узкую щелочку, Маринка, помогая мне, откидывается назад, и наши тела сливаются.

Пытаясь управлять движениями, она вертит бедрами, отчего тут же выпадает из моих объятий и плюхается головой в воду, тут же смыкающуюся над ее лицом. Я со смехом вытягиваю партнершу из воды, Маринка отфыркивается, мы, естественно, теряем контакт, и приходится начинать все с начала. Мы хохочем, будто это веселая игра, однако обмануть никого не удается: Игорь и Сашенька, заметив наши «водные упражнения», ничуть не стесняясь, направ-

ляются к нам. Игорь на ходу пытается повалить Сашеньку на мелководье, но та без труда стряхивает его с себя.

Нам с Маринкой приходится выбираться из воды на сушу. Прижавшись головой к моему плечу, она шепчет: «Савва, я хочу тебя по-настоящему, слышишь?» – «Слышу», – дрожащим и охрипшим от возбуждения голосом отвечаю я. Держась за руки и не оборачиваясь, мы направляемся к небольшому лесочку, темнеющему в сотне шагов от нас; Игорь с Сашенькой, судя по голосам за нашей спиной, вновь увязались следом, хорошо хоть Кондрата с его партнершей не видно.

Слишком углубляться в лесочек не имеет смысла, и мы, оторвавшись от преследующей нас пары шагов на пятнадцать, валимся в траву. Маринка со стоном потягивается, затем, схватив меня за руку, опрокидывает на себя; мы оба горим желанием, и я, раздвинув ей колени, захожу в «боевую» позицию.

Однако что-то в этой позе показалось мне некомфортным: как бы я Маринкины ноги не задираю, возжеленная щелочка все ускользала куда-то вниз и тогда я одним движением, обхватив девушку за талию, перевернул и поставил ее на колени. Ну, конечно же! Теперь все было чудесно, щелочка сразу же нашлась и раскрылась мне навстречу – просто по физиологическим своим параметрам Маринка оказалась выраженной «сиповкой» – ее Дундочка, (так в нашем городе принято называть женский половой орган), природой устроена совсем близко к попе, – такое расположение органов встречается, судя по моему скромному опыту, сравнительно редко.

Или что-то особенное было в природе и в атмосфере в эту ночь, или же меня попросту обуяло любовное сумасшествие, но я, кончив, не мог остановиться и продолжил движения, как бы закрепляя достигнутый успех. Отдавшись ощущениям, я ничего не замечал вокруг, и только руки мои продолжали крепко держаться за Маринкины ягодицы.

– Савва, Савва! – вдруг, словно издалека, услышал я ее испуганный голос. – Что это?

Я с трудом выхожу из транса, не теряя при этом контакта с партнершей, наши тела продолжают трепетать, когда я вдруг услышал в кустах, буквально в нескольких шагах от нас, громкий шорох, затем треск ломаемых веток. Я уже, было, открыл рот, чтобы наорать на Игоря с Кондратом, предполагая, что это они нас дразнят, как вдруг послышались новые звуки: «Тхру, тхру...», – этот звук неразрывно сплетался с предыдущими.

«Дикие кабаны!» – мелькнула у меня в голове тревожная догадка. Не говоря ни слова, я прижал Маринку к земле, а сам стал напряженно всматриваться в окружающую нас темноту. Звуки повторились, теперь уже ближе, и наконец в неверном лунном свете, пробивавшемся сквозь ветви деревьев и кустарник, я увидел целую семью диких свиней, находившихся буквально в пяти-шести шагах от нас. Я, даже не успев испугаться, одним движением поднял Маринку на ноги и шепнул: «Лезь на дерево». Она тут же ловко вскарабкалась по гладкому стволу и прилепилась к нижней развилке дерева, находившейся чуть выше моего роста. Я встал за ствол дерева, продолжая наблюдать за кабанами, которые, фыркая и причмокивая, вскапывали рылами землю вокруг кустов, и в это мгновение услышал у себя за спиной дикий визг, от которого меня в миг прошиб холодный пот. В ужасе я обернулся, решив, что кабаны нас окружают, и увидел... Игоря с Кондратом, несущихся прямо на меня и размахивающих палками – это именно они, мои друзья-товарищи, производили эти ужасные звуки. Не в силах произнести ни слова я, вновь вспомнив о кабанах, оглянулся – и по топоту и треску сучьев понял, что дикие свиньи, испугавшись шума, производимого моими товарищами, бросились наутек.

Еще секунда, и мое тело, независимо от моего желания, начинает сотрясать смех; обнаженные, в одних трусах, Игорь и Кондрат останавливаются рядом и, осознав, наконец, что лишь минуту назад все мы действительно были в опасности, и что теперь она миновала – кабанов уже не видно, – начинают хохотать вместе со мной. Затем Игорь поднимает голову и замечает на дереве Маринку.

– Ага! – кричит он возбужденно, подпрыгивая и безуспешно пытаясь уцепиться за голое тело, – мы тут подвергаемся смертельному риску, ведь запросто могли погибнуть от клыков диких животных, а ей, видите ли, на дереве захотелось потрахаться. Слезай немедленно, развратница.

Мы продолжаем безудержно ржать, тычем друг в друга пальцами и вновь покатываемся от хохота. Маринка что-то бормочет сверху, затем пытается слезть с дерева, но у нее ничего не выходит: она повисла держась обеими руками за ветку, ноги не достают до земли самую малость, я поддерживаю ее за бедра и шепчу: «прыгай же, отпуская руки», но она не чувствуя высоты, боится, и продолжает висеть не разжимая рук.

– Прыгай скорее, Маринка, – кричит Игорь, – один кабан по случаю здесь задержался. Мы решили принести тебя ему в жертву, пусть он тебя трахнет.

– Закрой рот, Жердь, – ору я на своего товарища, – а то она будет висеть здесь до самого утра.

Несколькими минутами позже, вчетвером, целые и невредимые, мы выходим из леса и направляемся к машине.

Сашенька и Люся, уже успев привести себя в порядок и одеться, ожидают нас и курят. Маринка вдруг останавливается на полпути, всхлипывает, и, протягивая ко мне в мольбе руки, с жалким выражением на лице шепчет:

– Такое впервые в моей жизни, Савва... Вначале все было так чудесно, а потом этот жестокий облом... – Ее голос дрожит. – Полюби меня. Прошу тебя. Прямо здесь и сейчас, плевать на них всех. Трахни меня по-настоящему. А то я никогда в жизни больше не смогу, не захочу мужчину. – Марина почти плачет.

Я беру ее за руку, мы возвращаемся на несколько десятков шагов назад и подходим к низенькой скамейке, одной из тех, что разбросаны по всей территории пляжа. Игорь и Кондрат деликатно покидают нас. Маринка поворачивается ко мне спиной, наклоняется, выпячивая попку вверх, и упирается руками в скамейку...

Со второй минуты примерно она опять начинает всхлипывать, я, приостанавливаясь, спрашиваю: «Что случилось?», но Маринка шепчет:

– Продолжай, я всегда плачу, когда мне хорошо...

Минут через пятнадцать, когда мы, несколько не стесняясь своей наготы, в обнимку подходим к машине, Кондрат швыряет нам наши с Маринкой вещи и, не удержавшись, выпаливает:

– Ну вы, бля, и даете! – Затем отворачивается и чуть сутулясь уходит прочь.

Мы с Маринкой удивленно смотрим друг на друга, затем, ни слова не говоря, начинаем одеваться.

Это потом уже, позже, после того как мы развезли девушек по домам и остались с Кондратом вдвоем на пустынной улице рядом с моим домом, он ломающимся голосом спросил:

– Она плакала, когда ты ее...?

– Да, – ответил я.

– Извини, брат Савва, – сказал Кондрат и тяжело вздохнул. – Не сдержался. Я хотел, конечно, чтобы ты ее... трахнул. – Голос его дрогнул. – Но вот уж не думал, что это у вас получится так... легко и быстро.

Часы показывали начало третьего, когда я, бесшумно раздевшись, юркнул в постель и тут же услышал сонный голос жены:

– Ты чего шляешься среди ночи?

– Да покурить выходил, – ответил я и вдруг вспомнил, что за прошедшие три неполных часа так ни разу и не закурил.

Август 1980 г.

«Очарование».

Сок черной смородины 0,5 литра.

Молоко 0,5 литра.

Яйцо 1 штука.

Сахар, лед.

Яйцо растираем с сахаром добела, доливаем молоко, сок, лед.

Новелла четвертая. Альфия

*Ключ к женщине – восторг и фимиам,
ей больше ничего от нас не надо,
и стоит нам упасть к ее ногам,
как женщина, вздохнув, ложится рядом.*

И.Губерман

В любой день и в любое время года, когда только мне выпадает такая возможность, я прихожу сюда, к озеру, и упражняюсь – бегаю, прыгаю и плаваю, в общем, наслаждаюсь движениями на свежем воздухе.

Простой хлопчатобумажный спортивный костюм составляет мой сегодняшний нехитрый наряд, под ним – плавки, а обувь я и вовсе не надеваю: во-первых, идти сюда из дому близко – всего около десяти минут ходьбы, а во-вторых, мой нынешний тренер Иван, мастер спорта по дзюдо и обладатель черного пояса по карате сказал, что, кроме всего прочего, необходимо укреплять и закалять стопы, и лучшим упражнением для этого является ходьба босиком, а сейчас как раз самое подходящее для этого время года – лето. Усиленно я тренировал также и руки: приходил к озеру еще до шести утра (чтобы не пугать случайных свидетелей – безобидных физкультурников) и планомерно ребром ладони сносил сучки и сухие ветки с окрестных деревьев.

Получасом после меня на пляже появлялась еще парочка «ненормальных» физкультурников: один из них, Федя Урсу, мой давний, с юных лет приятель по кличке «Утка», прибежал с обмотанным вокруг шеи полотенцем, приветствовал меня взмахом руки, раздевался и лез в воду, причем купался он голышом в любое время года, зимой, например, он проделывал это в проруби. Следом за ним прибегала девушка, с той же целью – искупаться, но раздевалась она чуть в стороне от Федя и, в отличие от него и к нашей с Федором жалости, – не догола, а лишь до купальника. Несколько позже, часам к семи, к озеру подтягивались и другие физкультурники – это были в основном пенсионеры и школьники, или, как мы их называли – «группа здоровья».

Сегодня я чувствовал себя в хорошем тонусе – тело просто горело от желания заниматься, поэтому я, решив чуточку расширить программу, подался от озера направо, к склону холма, выбрался на тропинку, ведущую на подъем, и пошел, с каждым шагом нанося удар воображаемому противнику: удар левой рукой, затем правой ногой, теперь правой рукой, левой ногой и так далее – в три уровня: в голову, в грудь, в пах, затем все сначала. Ужасно утомительное упражнение, доложу я вам, хотя это был всего лишь так называемый «бой с тенью». Когда я, основательно вспотев, достиг вершины холма, навстречу мне из-за кустов выскочил какой-то парень с перепуганным лицом. Он, выпучив глаза, глядел на меня словно на сумасшедшего – его, очевидно, напугали мои сумбурные взмахи руками и ногами. Я, прекратив упражнение, улыбнулся как можно дружелюбнее и даже помахал ему рукой, после чего он мгновенно исчез из поля моего зрения.

Все, домашнее задание, полученное от тренера, выполнено, и я, спустившись с другой стороны холма, окуная ступни в прохладную пока еще дорожную пыль, толстым слоем дощиколоток покрывавшую обочины дороги, легким бегом отправился обратно к озеру. Добравшись до места, я присел отдохнуть на пляжную скамеечку, расслабился, от созерцания солнечных бликов на поверхности воды сморился, прилег и мгновенно уснул.

Проснулся я от того, что солнце сильно пригревало – было, наверное, уже около десяти утра. Я встал и направился поскорее к воде, чтобы, окунувшись, стряхнуть с себя слегка дурственное ощущение после незапланированного утреннего сна.

Вдоволь наплававшись, отфыркивая и приглаживая волосы, я вышел из воды, внимательно огляделся по сторонам и мое внимание привлекла небольшая группа девушек в пестрых купальниках, располагавшихся неподалеку на двух покрывалах. На ближайшем из них в живописных позах лежали две девушки, на другом, чуть поодаль, сидели девушка и парень, которого я вначале не приметил.

Белые, незагорелые тела девчонок выдавали в них приезжих, а, судя по разрезу глаз в них легко можно было узнать бойцов стройотряда Казанского университета – сейчас, если верить районной газете, в нашем районе на колхозных полях и местном консервном заводе работало не менее двух тысяч студентов из этого города.

Однако парень, судя по всему, не был студентом – он отличался от девушек хорошим загаром, по которому можно было определить, что он свой, местный.

Я встал и неспешно направился в сторону девушек, стараясь их получше разглядеть. Все они при ближайшем рассмотрении показались мне симпатичными, но все же одна из них, та, что сидела рядом с парнем, была особенно привлекательной.

Исподволь, делая вид что осматриваю окрестности, я стал изучать ее. Девушки, очевидно, тоже заметили наблюдавшего за ними оболтуса, который разглядывал их, и тогда одна из них встала, шагнула ко мне и открыто улыбнувшись, спросила:

– Вы не подскажете, молодой человек, где здесь можно напиться воды?

– Отчего же, подскажу, неподалеку отсюда есть родник, – приветливо отозвался я.

Девушка приподнялась на носочках, вытянув руки вверх, с легким стоном, не стесняясь меня, потянулась, затем, вернувшись в исходное положение, обратилась к подруге, сидевшей рядом с парнем:

– Аля, ты не хочешь сходить на родник попить?

Аля, повернувшись на голос подруги, поднялась с покрывала, словно давая мне возможность получше себя разглядеть, и я понял, что привлекло мой взгляд несколькими минутами ранее: лицо девушки было удивительно красиво – первым, на что я обратил внимание, были ее огромные раскосые глаза на приятном с нежным овалом лице, обрамленном густыми черными волосами, постриженными по последней моде, «а ля Сэссун», да и сложена девушка была что надо: безукоризненные руки и плечи, не слишком большая, аккуратная грудь, узкая талия, красивая линия бедер – и все это при небольшом росте.

Разглядывая девушку, я внезапно почувствовал легкое головокружение – я всегда терялся перед настоящей женской красотой, ну а такой красотищи, пожалуй, я никогда еще в своей жизни не встречал!

– Нет, что-то не хочется, Зойка, – ответила девушка, окинув меня безразличным взглядом. – Но если принесете мне попить, не откажусь.

– В клювике, что ли, принести? – вырвалось у меня. (Это была дежурная в нашем городе хохмочка).

Аля поглядела на меня снисходительно и улынулась:

– Если не будет в чем, тогда уж в клювике.

Улыбка ее, обращенная ко мне, показалась мне очаровательной.

К сожалению, местное кафе – «Поплавок», расположенное по ту сторону озера, у начала дамбы, и прозванное в народе «Приют утопленника», вот уже два года как не функционировало, иначе бы я мигом сбегал и принес для понравившейся мне девушки холодного лимонада.

Тем временем Зоя выбрала из кучки одежды тонкую голубую блузку и, накинув ее на плечи, обратилась ко мне кокетливо:

– Так вы ходите со мной?

Я с готовностью кивнул, и мы с девушкой отправились к роднику. Через минуту я уже знал, что красотку Алю зовут Альфия, это было ее полное имя, как объяснила моя словоохотливая собеседница. Сама Зоя тоже была ничего себе: лицо симпатичное, живое, задорное,

только улыбка у нее была несколько жестковатая, с хитрецей; тело ее было вполне зрелым и не по возрасту женственным (Зоя сказала мне, что ей восемнадцать), все формы прилично развиты: крупная, полная грудь чудом удерживалась тонкой материей купальника, крепкий живот, широкие бедра и округлые, плотные икры ног с небольшими красивыми ступнями. Вполне достойная девушка, вот только в голову мне с первой же секунды запала Альфия, да так, что, думая о ней, я начинал чувствовать оглуляющий щенячий восторг.

Что ж, это были такие знакомые мне симптомы – я влюбился! Причем с первого взгляда – со мной такое, хотя и изредка, но случается. Дорогой Зоя рассказывала о Татарии, где я никогда не бывал, а я, с гордостью – о Молдавии; это дало нам возможность сравнить, что хорошо там и что – здесь; так, за десять-пятнадцать минут неспешной ходьбы мы, болтая обо всем на свете, добрались до «второго» родника – так называют местные жители родник на холме с удобным к нему подходом, а был еще «первый», расположенный буквально в полусотне шагов от пляжа, но доступ к нему был затруднен, источник сильно зарос осокой и другими сорными травами, к тому же он бил прямо из-под земли. Ну, а те, у кого было время, желание и терпение, могли добраться и до «третьего» родника, до которого ходьбы было от двадцати минут до получаса – там, в поистине сказочном месте, даже в полдень, в тени огромных, роскошных платанов, которые в наших местах называют бесстыдницей, и девушка-недотрога могла своему парню позволить в обращении с собой больше, чем сама на то рассчитывала: тамошняя обстановка – полумрак даже в полуденное время и густые мягкие травы, ростом чуть ли не до пояса, в которые было так хорошо улечься – весьма располагала к интиму.

Дорогой я нашел пустую пыльную бутылку из-под лимонада, у родника тщательно ее отмыл и наполнил водой. Мы с Зоей сделали из горлышка по несколько неспешных глотков – вода была довольно холодной – затем я вновь наполнил бутылку, – для Альфии. На обратном пути Зоя уже откровенно кокетничала со мной, часто и беспричинно смеялась, или, внезапно останавливаясь, заглядывала мне в глаза, при этом ее груди подпрыгивали, словно пытаясь вырваться из тесного бежевого купальника.

Когда мы вернулись, Зоя, пригласив и меня в свою компанию, присела на покрывало, но я направился к Альфии, которая находилась все на том же месте по-прежнему беседуя со своим парнем.

Я, надо признать, сразу невзлюбил этого парня, даже не разглядев как следует. Набрав в рот воды из бутылки и спрятав ее за спину, я что-то промышал, привлекая к себе внимание девушки и, когда она обернулась, продемонстрировал, что у меня рот полон воды. Альфия встала и подошла – движения ее были неспешными и лениво-грациозными. У меня едва не подкосились коленки – вблизи красота этой девушки оказалась просто обжигающей! К тому же на ее прекрасном лице теперь играла мягкая чарующая улыбка.

Глаза мои округлились от восторга, пальцем я указывал на свой полный рот, но Альфия протянула руку мне за спину, изящно изогнувшись и почти обняла меня, пытаясь дотянуться до бутылки. Я, чуть не выплеснув на нее изо рта воду, подал бутылку и зачарованно глядел как она, сложив свои чуть полноватые вишневые губки бантиком, поднесла ко рту бутылку и стала пить из горлышка (в этот момент я готов был выпить ее саму до последней капли).

Затем я медленно перевел свой взгляд на собеседника Али. Он, по моему мнению, должен был быть, по меньшей мере, Аполлоном, находясь рядом с такой девушкой, однако оказался вполне обыкновенным парнем, причем моим старым знакомым, а еще вернее соучеником – мы прежде вместе учились в техникуме, я – на строительном, а он – на овощеводческом отделении. И имя, представьте себе, у этого агронома было вполне прозаическое – Григорий. Узнав меня, он встал, улыбаясь и протянул для приветствия руку:

– Здравствуй, Савва! А я тебя сразу и не узнал.

– Богатым буду, – пообещал я. – Неужели за три года, что мы с тобой не виделись, я так изменился?

– Ну, ты меня ведь тоже не сразу узнал, – сказал он.

«Вернее, не заметил» – подумал я, согласно кивнув.

Альфия, утолив жажду, вновь присела на покрывало и стала слушать разговор бывших соучеников, которые на протяжении четырех лет совместной учебы едва ли обмолвились несколькими фразами.

«Что нового?», «Как живешь?», «Где теперь работаешь?», – спрашивал Гриша, я односложно отвечал. Из его последнего вопроса я понял, что в ресторан, где я теперь работаю, он не ходит, и в ответ пробормотал что-то невнятное, улыбнулся и попробовал сменить тему, заведя разговор о стройотряде, консервном заводе и о девушках, которые были вынуждены там работать.

Альфия тоже приняла живое участие в нашем разговоре, слушая ее, мне показалось, что она разговаривает с нами, словно учительница с неразумными школьниками – так хорошо была поставлена ее речь, плюс великолепная дикция, и к тому же – эта ее самодовольная улыбка и непоколебимая уверенность в себе. Теперь я вовсе пал духом и закомплексовал – такая красавица, и, ко всему прочему, необычайно умна!

Вскоре мы вновь переменили тему и стали говорить о нашем городе, о том, как молодежь здесь живет и отдыхает, затем мы с Гришей наперебой стали расписывать местные достопримечательности и места отдыха, которые приедем и гостям нашего города следовало бы посетить в первую очередь. В ходе разговора я плавно вернул словечко о том, что в городе недавно открылся новый (и единственный пока) ресторан вместе с баром, которому тоже стоило бы уделить внимание. Григорий, к моему удивлению, тут же страстно поддержал идею посещения бара, но когда я попытался уточнить день, подходящий девушкам для этой цели, он меня как бы невзначай спросил:

– А ведь ты как будто женат, Савва?

Я машинально кивнул, и лишь секундой позже понял: вот он что, благодаря его замечанию я сразу «выпал» из разговора, словно БРАКованный. Зато к этой теме тут же подключилась Зоя, которую не напугало, очевидно, Гришино восклицание, а вроде даже в какой-то мере приободрило, потому что девушка стала теперь поглядывать на меня, как мне показалось, еще более ласково и благосклонно.

Вскоре, устав от болтовни и жаркого солнца, мы все вместе отправились купаться, и пышный «Сэссун» Али несколько смялся от воды, но ее чудесные блестящие волосы по-прежнему хорошо смотрелись, тем более на такой прелестной головке.

Время словно нехотя перевалило за полуденный рубеж и девушки стали собираться в свой лагерь: скоро у них должен был начаться обед – с 13 до 14, а там уже совсем немного времени оставалось до второй смены на консервном заводе, которая начиналась в 16 часов, а ведь надо было успеть еще сполоснуться под душем и отдохнуть перед работой. Я пошел вместе с Гришей и девушками: всем нам оказалось по пути, да и время после полудня – самая жара, не было смысла оставаться у озера. Стоит ли говорить, что в компании с Альфией я не задумываясь ни на секунду отправился бы и на край света.

Зоя и Аля шли впереди, дорогой о чем-то разговаривая, я шагал позади между Гришей и третьей девушкой, имени которой не запомнил, и украдкой бросал взгляды на Алю, невпопад отвечая на вопросы своего бывшего соученика, который то и дело спрашивал, вспоминая, о том или о ином из наших соучеников по техникуму.

Пару раз, ловя на себе мои взгляды, Аля оборачивалась, и тогда я опускал глаза, а в какой-то момент она спросила:

– А почему вы, Савва, ходите босиком?

Помявшись, я ответил:

– Понимаете, в туфлях к озеру не пойдешь, неудобно потом обуваться – натягивать на влажные ноги носки и всякое такое – а босоножек у меня нет. (Истинная правда – тогда в

80-м, было просто невозможно купить или достать приличные босоножки, хотя причина-то, собственно, была в другом, я ведь, как вы помните, закалял стопы).

И напросился – весь остаток дороги девушки меня жалели, их, очевидно, разжалобил мой бедненький внешний вид. Расставаясь около моего дома, мы не договорились о следующей встрече, так как Гриша, по вполне понятной причине чувствуя себя не совсем комфортно в моем присутствии, поспешил от меня избавиться и стал как раз в эту минуту торопить девушек. Однако я уже знал, по каким сменам девушки работают и когда отдыхают, и в ближайшие дни надеялся встретить их там же где и сегодня – у озера, тем более, что, надеясь хоть немного загореть, они обещали приходить почаще.

Надо ли говорить, что следующим утром я был у озера первым, и с одной лишь мыслью – еще раз увидеть Алю, Альфию.

В это утро я срубал руками и ногами сучки с деревьев с таким воодушевлением, что уже завтра, наверное, в районе озера будет невозможно найти ни одного дерева с сохранившимися на них сучками и даже небольшими ветками.

Федор Урсу появился, как обычно, вскоре после моего прихода, он взмахом руки поприветствовал меня и, раздевшись до плавок, направился к воде. И тут с ним произошел забавный случай, немало потешивший меня.

Когда Федор собирался уже войти в воду, к нему, откуда не возьмись, подбежала маленькая, лохматая, но, по-видимому, необыкновенно злая и агрессивная собачка, которая яростно набросилась на него. Федор успел в какой-то момент отпрыгнуть в сторону, но собака буквально подкатывалась, заливаясь в лае, к самым его ногам, – каждому, я думаю, еще по детству знакома подобная, не очень приятная ситуация. Противостояние длилось недолго: Федя, присев на корточки, одной рукой стал размахивать перед самой мордой собачки, дразня ее, а другую стал заводить ей за спину. Увлеченная атакой, собачка не почуяла подвоха, тем более что цель – Федина рука – была так заманчиво близка. Рывок – зубы клацнули в сантиметрах от его ладони, зато второй рукой Федор успел ухватить злобного песика за загривок, затем выпрямился, и пес стал беспомощно барахтаться в воздухе, забавно семеня всеми четырьмя лапами. Федор широко размахнулся и пес, описав в воздухе дугу, шлепнулся в воду, подняв целое облако брызг. Я похлопал в ладоши, наблюдая за собачкой, минутой позже вылезавшей из воды – вид у нее, надо сказать, в этот момент был совсем не грозный, при этом из-за мокрой шерсти она уменьшилась в размерах не менее чем в два раза и теперь песика стало даже жалко. Хотя Федя находился от него в трех шагах, песик без звука, но весьма осторожно обошел его, направляясь к траве, где стал кувыркаться, затем улегся обсыхать.

Вдоволь насмеявшись, я выбрал себе на ближайшей к дамбе скамеечке удобный наблюдательный пункт, с которого были хорошо видны все вновь прибывающие к озеру люди, и теперь внимательно вглядывался в пологий спуск, чтобы не пропустить появления «моих» девушек. Время тянулось бесконечно, я уже отчаялся было увидеть в этот день «своих» татарочек, когда на дамбе обозначилась, наконец, группа юношей и девушек, среди которых издавна я безошибочно определил по фигурам и купальникам Алю и Зою. На этот раз студентов было семеро: пять девушек и двое ребят. Когда они подошли ближе, я, приветливо улыбаясь, направился к ним навстречу; те, кто был со мной знаком со вчерашнего дня, а именно Аля, Зоя и третья девушка, поздоровались со мной как со старым знакомым, остальные вначале стеснялись меня, чужака, но в течение короткого времени, после парочки рассказанных мной шуток и анекдотов, привыкли, и вскоре я сделался для всей компании своим.

Казалось, пошел уже второй день моего знакомства с Алей, и сегодня мы с ней общались вот уже пару часов, и я вроде немного привык к девушке, в результате чего очарование первых минут должно было уступить трезвому аналитическому взгляду, а ведь нет, наоборот: я стал еще более робеть в ее присутствии, толком не мог ничего ни сказать, ни рассказать. А ведь главным моим козырем всегда было красноречие, а в общении с девушками это вообще

первейшее оружие, особенно в начальной стадии, – но перед Альфией я был нем, и, следовательно, безоружен. Григорий сегодня по какой – то причине не смог присоединиться к компании, поэтому, выбрав удобную минуту, я робко пригласил девушку прогуляться на родничок тет-а-тет, и Аля, к моему восторгу, не отказалась.

День стоял погожий и жаркий с радостным голубым небом без единого облачка. Воздух прозрачен, но пахуч, словно был настоян на травах, во множестве растущих в районе озера. Мы молча поднимались вверх по извилистой тропке, я ступал по сухой, уже хорошо прогретой от солнца земле, в моей руке позвякивали друг о друга две пустые бутылки; Аля шла босиком рядом с тропинкой по шелковистой траве, пропуская ее между пальцами ног, а руками то и дело прикасаясь к невысоким еще, чуть выше человеческого роста деревьям; тут их было много, целый лесок, искусственно высаженный у озера несколько лет тому назад.

Я словно зачарованный смотрел на девушку, отмечая совершенные линии ее рук, шеи, плеч. Иногда Аля останавливалась и обнимала деревце обеими руками, откидываясь при этом назад и слегка зависая на нем, и тогда я тоже останавливался, ожидая ее, отчаянно завидуя деревцу, к которому она прикасалась. А она тем временем перебегала к другому дереву, прижималась к нему, словно разговаривая с ним и едва слышно смеялась. Затем, когда мы вновь продолжали наш путь, я всматривался в мельтешащие перед моими глазами стройные икры ее ножек, и не мог оторвать от них глаз.

То ли яркое солнце было тому причиной, то ли близость этой фантастически красивой девушки, только когда мы достигли цели и оказались у родника, голова у меня кружилась, словно у пьяного. Добравшись до вершины небольшого холма мы свернули с тропинки и ступили под обширную тень высоченного платана, под сенью которого находился родник, бьющий из небольшого, метра в два высотой, каменного образования; травы, растущие вокруг платана, были заметно выше и гораздо гуще чем в других местах, что ясно указывало на близость источника.

Аля, подойдя к роднику, протянула руки к струе, бьющей из короткого куска трубы, вставленного для удобства в отверстие родника.

– Не спеши, – предостерег ее я, – вода здесь холодная, а мы разгорячились от ходьбы на солнцепеке, как бы горло не застудить.

– Может присядем пока? – осматриваясь по сторонам спросила девушка нерешительно. – Наберем воды в бутылки, и чуть позже попьем.

– Конечно, присядем, – сказал я, ловя горлышком бутылки тонкую серебристую струю.

Вода с высоты в метр с небольшим падала в овальную впадинку, поднимая с ее дна золотистый песчаный бурунок. Странно, подумалось мне, откуда здесь взялся песок, в всей округе не сыщешь и горсти песка, а на пляж, насколько мне было известно, песок завозили самосвалами из карьеров, расположенных за десятки километров от нашего города. Видимо, кто-то не поленился и принес сюда, к роднику, ведро песка. Вокруг наполненной водой впадинки тут и там из земли торчали полузатопленные кирпичи – на них было удобно стоять, в то время как глинистая почва между ними сильно размокала, превращаясь в болотце.

Секунда, и я, рассчитав расположение кирпичей, встал на гимнастический мостик под самый родничок, подставив голову под льющуюся струю, поймал ее ртом и сделал несколько глотков (этот фокус я проделывал неоднократно и прежде), – вода в источнике была холодной и зубы мгновенно занемели. Затем я выпрямился, отфыркиваясь – вода попала в нос и в уши, а Аля, улыбаясь и смеясь, похлопала в ладоши. Затем подошла и балансируя на одной ноге потрогала большим пальцем другой ноги воду и спросила:

– А что, если я стану сюда обеими ногами? Я с непривычки устала от ходьбы босиком, а холодная вода, говорят, бодрит.

– Я надеюсь, от этого ты не превратишься в сосульку, – с улыбкой отозвался я, подавая ей руку и помогая сойти в воду, – иначе мне придется тебя отогревать, а тем временем ваши друзья забеспокоятся и прибегут сюда.

– Отогревать – это как? – Аля произнесла эти слова, опустив голову, затем резко подняла ее, заглянув мне в глаза, а мне показалось, в душу заглянула. Я сглотнул, пытаюсь скрыть волнение.

– Дыханием, конечно, – осмелев, ответил я, и она, улыбнувшись, грациозно вышагнула из воды и, отойдя немного в сторону, села в траву.

– А затем, – сказал я, устраиваясь у ее ног, – я бы отнес тебя к озеру на руках.

– Спасибо, Савва, – девушка склонив голову набок одарила меня ослепительной улыбкой. – Я вижу, ты готов ради меня на многое.

«Пожалуй, на все, что в моих силах», – подумал я, чуть не произнеся это вслух.

Мы сидели в густой шелковистой траве под небольшим оливковым деревцем, больше напоминающим куст, я слышал шепот ветра, тихое журчание падающей воды и смотрел на траву у себя под ногами, не решаясь поднять на девушку глаза.

Я был зол сам на себя за неумение завести с Алей интересный разговор, чувствуя банальность и даже пошлость произносимых мною слов, мне очень хотелось выглядеть в глазах этой прекрасной девушки каким-то необычным, особенным.

– А что, эти оливы когда вырастут, станут большими и съедобными? – спросила Альфия, разглядывая мелкие и незрелые плоды дерева.

– Нет, в наших краях они до конца не вызревают, – ответил я. – Наверное, им тепла не хватает.

Отчего-то мне от этих слов стало грустно. Вот так же, наверное, и с моим чувством к Альфии: не успеет оно созреть, перерасти во что-то большее, чем моя влюбленность, может быть в настоящую всепоглощающую любовь, как нам придется расстаться.

Посидев еще некоторое время мы напились воды, затем, наполнив бутылки, отправились в обратный путь; теперь мы шли рядом, рука об руку, но всю дорогу молчали. Аля иногда, словно невзначай, опиралась на мою руку, и в эти секунды мое сердце замирало, затем начинало бешено биться.

Мы принесли ребятам бутылки с водой, и они, встретив нас аплодисментами, повскакивали, завладели бутылками и тотчас опорожнили их. Аля присела на покрывало и рассеянно уставилась на воды озера, словно потеряв ко мне всякий интерес, а я, не желая ее тревожить, остался стоять, будучи еще под впечатлением от нашей прогулки, и тех, совсем незначительных, но, как мне казалось, многообещающих соприкосновений наших рук. Не зная чем себя занять, я огляделся, заметил стоявшую недалеко Зою и направился к ней. Она, улыбаясь мне, повисла на ободке металлического грибка, который должен был служить зонтиком при натянутом на него тенте; я, пристроившись рядом, поднял ногу на этот ободок, который был чуть выше моей головы, и исполнил некое подобие вертикального шпагата, правда при этом из моих плавков вывалилось «хозяйство», после чего я мгновенно свернул «показательные выступления» и стал стыдливо поправлять плавки, хотя и заслужил аплодисменты, причем уже в третий раз подряд за последние полчаса, правда, теперь лишь от одной Зои. Девушка, хлопая, подмигивала мне и игриво смеялась.

Этот день был пятница, и ребята с девушками, усевшись в кружок, стали планировать свой отдых на ближайшие дни: на этой неделе у тех, кто работал во вторую смену, выходных – редкая удача! – выпадало целых два.

Время в разговорах пролетело незаметно, а когда стрелка часов добралась до половины первого, девчонки и ребята вновь, так же как и вчера, засобирались в студенческий лагерь, и мы в точности повторили вчерашний маршрут, то есть меня всей компанией опять проводили до самого дома, возле которого мы расстались.

А утром следующего дня я в срочном порядке принял у своего напарника бар: Саша, позвонив мне, сказал, что ему необходимо выехать на Украину по делам его «бизнеса», а уже вечером я в белом пиджаке при черной рубашке и белой бабочке трудился за стойкой, обслуживая клиентов; в зале и подсобке с делами управлялась наша новая работница – симпатичная 16-летняя официантка Софочка. К десяти часам вечера наплыв клиентов увеличился, и среди них я стал замечать студентов в стройотрядовских курточках. Я тут же загадал желание, и предчувствие меня не обмануло: в одной из входивших в бар групп молодежи я увидел Алю и Зою и нескольких ребят с ними, среди которых, конечно же, был и Гриша. За столиками к этому времени все места оказались занятыми, и только у стойки, как раз напротив моего рабочего места, еще оставались свободными два высоких стульчика-пуфа.

Ребята расступились и пропустили к ним девушек, а сами встали, сгрудившись вокруг них, словно почетный караул. Альфия с интересом посмотрела на меня, но не узнала сразу, а, приподняв вопросительно бровки, повернулась к ребятам, но все впечатление от нашей встречи испортил, конечно же, Григорий. Он толкнул Зою в спину и сказал громко:

– Ба! Так здесь же наш человек работает! – И, обращаясь ко мне, добавил: – Привет, Савва!

– Здравствуйте, здравствуйте, ребята, – заулыбался я. – Я бесконечно рад что вы наконец меня узнали.

Зойка, мило улыбаясь, сказала:

– Я ужасно рада тебя видеть в этом симпатичном месте. – Она обвела выразительным взглядом помещение бара. – Ты тут, кстати, очень неплохо смотришься.

Я улыбнулся и молчаливым поклоном головы поблагодарил ее, после чего все рассмеялись, причем мне показалось, что и Альфия теперь тоже как-то по-другому на меня смотрит. С большим интересом, что ли, чем прежде, а может, мне это просто показалось. Обе девушки были в выходных, нарядных платьях: Зойка в желтом платье с цветами роз по всему полю, Альфия в белом, однотонном, расклешенном книзу, чем-то похожем на подвенечное. На мгновение я представил себя в строгом черном костюме при галстуке, стоящим рядом с ней, с этой девушкой неземной красоты, но тотчас это видение испарилось и растаяло – даже в мечтах я не смел надеяться...

Я налил девушкам по бокалу шампанского, а Гриша, передав мне пятилитровую канистру в сумке, – она была с десертным вином, – попросил налить в несколько стаканов – для него и ребят.

Присутствие Али затрудняло мне работу: во-первых, от нее невидимыми волнами исходило какое-то особое, по-женски притягательное обаяние, заставляющее всех вокруг и особенно мужчин глазеть на нее и улыбаться чаще обычного; во-вторых, я и сам вот уже третий день находился под гипнозом ее прекрасных глаз; а в-третьих, внимание к ней окружающих начинало меня раздражать. Тем более, что сегодня Альфия была не столь сдержанна и молчалива как прежде: она вместе с другими заразительно смеялась, шутила сама, и даже кокетливо постреливала глазками по сторонам. Зойка, в свою очередь, то и дело пыталась завладеть моим вниманием, то спрашивая о чем-нибудь, или просто трогая меня за рукав, я вежливо ей отвечал, рассеянно улыбаясь, а сам при этом не отводил взгляда от Али.

После шампанского девушки потребовали коктейль, а распробовав его, – а я, естественно, похвастал, что этот коктейль моего собственного производства, – стали нахваливать его, а заодно и меня в придачу. Для усиления эффекта я сообщил девушкам, что этот коктейль всего неделю назад был утвержден министерством торговли как авторский, за что был вознагражден восторженными улыбками.

Незаметно время перевалило полночный рубеж и публика постепенно стала расходиться, ушли и ребята-студенты, оставив Зою и Алю под патронажем Григория, причем инициатором этого выступала, как мне показалось, Зоя. Я запер сейф и кассу, оставив Софу-официантку

саму разбираться с горами немытой посуды, а мы вчетвером, выйдя на улицу, отправились пешком в студенческий городок, расположенный примерно в полчасе ходьбы от бара. Зоя и Аля шли, как обычно, впереди, мы с Гришей – несколькими шагами позади, в руке он нес сумку с заметно полегчавшей к этому времени канистрой.

Дорогой мы продолжали веселиться, затем стали гоняться друг за другом, толкались, шутили и смеялись, и вскоре миновали дом, в котором жила моя мама. Мама, будучи в отпуске, находилась сейчас на одном из курортов Кавказа, ее квартира пустовала и ключ от нее находился у меня в кармане, но я даже не посмел заикнуться перед компанией, что у меня есть свободная жилплощадь – это означало бы, как я понимал, собственными руками уложить Альфию с Гришей в постель, а уж Зойка, я был уверен в этом, постаралась бы, чтобы именно так все и произошло и она осталась наедине со мной. К тому же я до сих пор не знал, в каких отношениях находятся Альфия и Григорий, и мое тайное желание оказаться наедине с Алей шло, как мне представлялось, вразрез с желаниями всех остальных.

Мы уже углубились в микрорайон, застроенный небольшими частными домиками, миновав который вышли бы к студгородку, когда на плохо освещенной грунтовой дороге перед нами неожиданно возникли четыре мужские фигуры.

Аля, увидев их, осеклась на полуслове и замерла на месте, словно остолбенев, Зойка испуганно ойкнула и ухватила меня обеими руками за локоть. Еще я успел заметить, что Гриша, выронив из рук сумку с канистрой, стал растерянно оглядываться по сторонам. Первая фигура шагнула ко мне, приблизившись она стала обретать форму и плоть.

– Эй ты, дай закурить! – послышался нахальный сиплый голос. Меня при этом обдало мощным винным перегаром, и запах этот был, скажу я вам, не для слабонервных.

– Бросил, – сказал я, делая шаг назад и концентрируясь, как в подобных случаях учил меня тренер. – И тебе советую.

Оглянувшись на своих попутчиков, я сделал еще шаг назад, рывком освобождая локоть из цепкого зойкиного захвата. Альфия, прижав руку ко рту и закусив кончики пальцев, силилась не вскричать, она теперь была всего лишь в одном шаге от меня; Зойка рванулась к ней и вцепилась руками теперь уже в локоть подружки, а вот Гриши почему-то нигде не было видно. Несмотря на серьезность момента я рискнул поискать его глазами, и только взглядевшись в темноту за своей спиной, увидел нашего товарища в переулке, быстро удаляющимся. И почти физически ощутил, как за ним гонится... его страх. С этим все понятно, успел подумать я. Теперь я остался один, если не считать девушек, против четырех пьяных балбесов.

Фигура, вновь приблизившись, качнулась в мою сторону, и на этот раз я увидел перед своим лицом небольшое белое пятно – занесенный для удара кулак. Естественное, подготовленное злобное действие. Но что это? Движения парня были словно в кино при замедленной съемке, я мог двигаться в несколько раз быстрее. Поворачиваясь корпусом влево, правым блоком я смягчил удар, направленный мне в голову правой рукой моего оппонента, и локтем этой же руки ударил назад, то есть навстречу ему, целясь в челюсть. Попал: мой локоть жестко вонзился во что-то твердое. Мне не интересно, куда и как нападавший упадет, а в том, что после такого удара невозможно устоять на ногах, я не сомневался. Теперь я беспокоюсь лишь о том, чтобы девчонки были в безопасности. На мгновение обернулся. Молодцы, они по-прежнему у меня за спиной! Вторая тень стремительно надвигается на меня. Делаю шаг навстречу, сблизившись уворачиваюсь от мелтешащих перед моим лицом рук и наношу два мощных удара руками: правой в живот, левой в грудь – тень, мгновенно обретая плоть, вскрикнув, смещается назад, теряется, исчезает из видимости. Третий из нападавших, судя по звукам за моей спиной, все же добрался до девчонок: Зойка пищит, Аля молчит, в шоке наверное. Повернув голову, я вижу как он тянется к ним руками. Интересно, что это ему даст, он что, именно в эту минуту хочет девушек пощупать, полапать?

Воспользовавшись тем, что он увлекся и вообще меня не замечает, я захожу сластолюбцу во фланг и наношу ему тяжелый удар левой, целясь в солнечное сплетение, а затем, взбесившись, наношу три-четыре футбольных удара по согнувшемуся и уже падающему телу. Почувствовав движение за спиной, обернулся. И едва успел! Один из придурков летит торпедой, наклонившись, при этом он целит мне головой в живот. Что это за прием такой новомодный, я с ним уже не в первый раз за последние месяцы сталкиваюсь. Это, кстати, последний из четырех нападающих, или один из тех, кто уже очухался? Я хватаю парня рукой за волосы и, используя его собственную инерцию, бью головой об колено раз, затем еще раз – чего его жалеть, ведь нападающих четверо против меня одного!

Получается даже лучше чем в кино, мой оппонент стонет и мешком оседает на землю, причем у меня в руке остается клочок его волос. И тут удар по моему затылку! Я увлекся и забылся, за что, конечно же, дождался наказания. Слава Богу, что удар тупой, кулаком, а не какой-нибудь железякой. По инерции, пытаюсь смягчить удар, я двигаюсь вперед, затем оборачиваюсь, делаю шаг навстречу и встречаю бойца, машущего сумбурно в воздухе кулаками, ударом основания ладони в челюсть. Жестоко? Да! Натолкнувшись на мою руку, он падает как подкошенный. Зато желающих драться больше нет. Кончились. Двое лежат, двое других удаляются, один на четвереньках, но при этом довольно быстро, второй пополам согнувшись.

Две минуты, а может и меньше, на все про все, и четверо моих противников повержены. Доигрались, «герои». Но ведь они к нам сами пристали. Что мы им сделали, чем помешали? Им, возможно, после немалых возлияний не хватало в эту ночь только «женской ласки»? Геройски «отодрать» вчетвером, или как у нас еще говорят, «колхозом» какую-нибудь встреченную ими на темной улице беззащитную девушку. Теперь я уже был готов драться по-настоящему, все мышцы прямо огнем горят. Но двое парней, лежащие на земле, на свое счастье пока не могут подняться, а другие двое уже далеко отсюда, их и не видно.

Я иду к девчонкам, хочу обнять их и успокоить, и теперь только чувствую, что руки мои липкие. Что это, моя кровь? Да, кровь, только это, скорее всего, кровь того «козла», что бодался с моим коленом. Девчонки стоят, сцепившись руками, у их ног в сумочке канистра с вином. Девчонки, как я вижу – в порядке, канистра – в целостности и сохранности. А хозяин канистры Гришаня исчез в неизвестном направлении... Стою, выравниваю дыхание, зорко осматриваюсь по сторонам. Идти в студгородок расхотелось. Тем более, что в ту сторону ушли и двое из этих...

Вдалеке послышались звуки то ли «скорой» то ли ментовской машины, и эти звуки взбодрили меня, заставили действовать. Я сбивчиво в двух словах объясняю девушкам ситуацию, и мы, взявшись за руки и поминутно оглядываясь, быстро уходим в обратном направлении, в сторону дома, в котором живет моя мама. Девчонки идут бодро, хотя все еще находятся в подавленном настроении. Когда мы подошли уже к самому дому, Зойка приблизилась ко мне и сказала восхищенно:

– Ну, ты и дал им! Молодец, Савва!

– Ерунда. Брось. Повезло, просто они пьяными оказались, – отвечаю я, обнимая девушку за плечи.

Аля тоже подошла и без слов уткнулась мне головой в грудь. Нужна ли мне была большая благодарность? Обнимая этих двух девушек, я в собственных глазах выглядел героем и чувствовал себя при этом на вершине блаженства.

Мы молча поднялись в квартиру, усадив девчонок в зале, я включил нижний свет – торшер, заправил в магнитофон – старенькую «Комету» – бобину с «итальянцами», а сам отправился в ванную – отмывать руки. Закончив, я направился на кухню, Зойка вошла следом.

– Доставай стаканы, хозяин, – сказала она бодрым голосом. – Сейчас нам просто необходимо выпить, нервы успокоить.

– Вот это правильно, Зойка, это по-нашему, – поддержал ее я, протирая кухонным полотенцем бокалы. Я вышел с бокалами в зал, Зоя тем временем принесла из прихожей канистру. (Какая же она все-таки молодец, всю дорогу ее несла, словно ценный груз, не оставила и не бросила). Мы вместе стали разливать по бокалам вино и вдруг рассмеялись: руки у нас с ней одинаково дрожали. Зато Аля была по-прежнему не в настроении, а может, просто испуг еще не прошел; девушка сидела на диване, сцепив руки, ноги поджав под себя и, казалось, никого вокруг не замечала. Замкнулась от всего мира.

– А где же наш дружок Гришенька? – напевно спросила Зойка, ни к кому конкретно не обращаясь, но, как мне показалось, она глядела при этом на подругу с ехидцей.

Да, Гриша... как-то неловко с ним получилось. Теперь Гриша, я думаю, для нас троих просто перестал существовать. Наверное, этот его проступок так расстроил Алю, что она до сих пор не в себе, и не может правильно оценить мой поступок. Хотя, если честно, какой уж там поступок, просто хорошо тренированный спортсмен отработал серию учебных ударов на четверых почти неподвижных макиварах – «портвейновых героях». Зря я, что ли, бегаю каждое утро на озеро и к тому же тренируюсь по несколько часов в день.

– Аля, не расстраивайся ты так, – подошел я и присел рядом с девушкой на диван. – Ну, давай, улыбнись, – я осторожно, пальцами коснулся ее руки, – все уже позади.

Она повернула ко мне свое лицо, на нем застыло судорожно-мучительное выражение.

– Я... я уже не в первый раз в такой ситуации, – наконец с дрожью в голосе выдавила она из себя. – Тогда, в первый раз, в Казани, я умудрилась получить по лицу.

– Получить? – удивился я. – За что?

– Как за что? – усмехнулась Аля. – За то, что давать не хотела, вот за что. За то и получила. Потом врач еще боялся, что нос мой от удара может скривиться.

– Ладно, – сказал я и вздохнул, – давай забудем это, как неприятный сон. Тем более, что все уже позади. А нос твой, кстати, на месте, и замечательно, должен сказать, выглядит, и даже не спорь, мне со стороны лучше видно.

Аля, которая и не собиралась спорить, попыталась улыбнуться, реснички ее глаз вздрогнули, губки полуоткрылись, я обнадеживающе улыбнулся девушке, но нашу идиллию прервал голос Зои.

– Ну, ребята, давайте же выпьем за то, что все хорошо кончилось, – сверкнув глазами призвала она нас, поднимая свой бокал.

Мы выпили раз за разом по четыре бокала вина каждый, прежде чем Аля стала понемногу оттаивать, шевелиться, разговаривать, при этом она наотрез отказалась закусывать. Я пил вино как воду: алкоголь на меня сегодня не действовал, хотя десертное обычно разбирает.

Магнитофон выдавал танцевальные мелодии, и я пригласил вначале Зойку, потом мы покружились в танце с Алей. Мы неторопливо двигались посреди комнаты, я с восторгом бережно сжимал в своих объятиях ее драгоценное тело и в то же время чувствовал, что девушка все еще не в себе, и абсолютно не представлял, как ее можно вывести из этого замороженного состояния. Когда мы вернулись к столу, Зойка вновь стала наливать из канистрочки, и только теперь я обратил внимание, что сама она старается пропустить, а Але льет от всей души, полным бокалом, а та, дурочка, и не замечает – пьет, что ей подают. Я погрозил Зойке пальцем и шепнул: «Але уже хватит», но мое замечание несколько запоздало – Альфия к этому моменту была уже довольно пьяненькая. Вино, приятное на вкус и совсем как будто некрепкое, «догнало», как говорят у нас в Молдавии. Когда после очередного танца я усадил ее на диван, Аля просто повалилась навзничь со словами:

– Савва, Зойка, я не знаю что со мной сегодня происходит, я такая пьяная... В жизни не была такой...

Я склонился над ней, хотел предложить девушке знакомый многим курс «лечения» – два пальца в рот в ванной, но Аля только виновато улыбалась и просила дать ей возможность

немного полежать. Когда Зойка, отлучавшаяся на минуту в туалет, вернулась, Аля уже спала. Я принес подушку и подсунул ей под голову, девушка, не открывая глаз, сразу обхватила, обняла ее руками, платье ее немного задралось, и моему взгляду открылся белый треугольничек ее трусиков.

– Готова к употреблению! – несколько злорадно, как мне показалось, сказала Зоя и рывком поправила на Але задравшееся платье. Мы посидели с Зойкой еще некоторое время, изредка перемолвляясь словом, больше мы не танцевали и даже не пили, а вскоре мне и вовсе стало грустно, оттого, видимо, что Аля спала. Зоя, спросив моего разрешения поставить на плиту чайник, вышла на кухню, я бездумно проводил ее взглядом. Через некоторое время, когда чайник, закипев, отсигналил свистом, она прошла с ним по коридорчику, направляясь в ванную, и вскоре я услышал как девушка там плещется. Странно, а мне показалось, что она ставила воду, для того чтобы попить кофе. Я стоял у дивана и смотрел на спящую Алю, когда Зоя, вернувшись, подошла и встала рядом со мной. Она взяла меня за руку, шепнула: «пусть спит» и потянула за собой в спальню. Там она, словно у себя дома, стала стелить постель и спросила меня:

– Ты не против, хозяин?

– Конечно-конечно, – пробормотал я.

– Принеси мне какую-нибудь свою рубашку, пожалуйста, – сказала Зоя, закончив стелить простынь и расправляя поверх нее одеяло.

Я достал рубашку из шкафа и направился, держа ее в руках, к Зойке, однако она тем временем уже успела нырнуть под одеяло и я услышал ее жаркий шепот: «Ну, иди же сюда, ко мне. Скорее.»

Я подошел, протягивая ей рубашку, но Зоя, отталкивая мою руку с рубашкой, потянулась навстречу и громко прошептала мне в лицо:

– Савва, я хочу тебя с самого первого дня, с той минуты, как увидела там, на озере. Неужели ты не чувствуешь этого?

Я безвольно опустился рядом с ней на край кровати.

– Ну же, поцелуй меня! – сказала она, хватая меня за руку.

– Извини, Зоя, я... я не смогу... – сказал я, мягко высвобождая свою руку, затем встал и вышел из комнаты в зал.

Аля продолжала спать, по-детски подогнув под себя ноги и сладко посапывая. Через минуту-две из спальни вышла одетая Зоя, ее лицо было искажено злобной гримасой.

– Так ты хочешь остаться с ней? – прошипела она, кивая на спящую Алю.

– В данный момент я не хочу никого, – сказал я.

– Чтоб тебе не проснуться, сука! – вдруг выкрикнула Зоя и быстрым шагом направилась к дверям. Я рванул за ней со словами: «Зоя, стой, что ты такое говоришь?», но догнать не смог – входная дверь хлопнула, сотрясая весь дом. Отворив дверь я выглянул на лестничную клетку, быстрые шаги на лестнице становились все глуше и вскоре смолкли. Тогда я запер дверь и вернулся в комнату. Аля мирно спала, когда я снимал с нее платье и укрывал одеялом.

Наступил момент, о котором я даже мечтать не мог – мы с Алей остались вдвоем, наедине, она лежала в моей постели почти нагая и практически беззащитная, но особой радости от этого я не испытывал, а была лишь какая-то неопределенная грусть. В неярком свете торшера, стоявшего поодаль, я видел прелестное лицо Али, прикрытые одеялом небольшие холмики груди, раскинувшиеся маленькие руки с тонкими, словно прозрачными пальчиками и вдруг подумал, что вот так, наверное, выглядит спящая богиня. Я продолжал смотреть на нее еще долгое время, не в силах оторвать своего взгляда или хоть на минуту отойти, боясь что с ней в мое отсутствие что-нибудь произойдет или девушка исчезнет как мираж. Затем я осторожно прилег рядом с ней, но уснуть не мог, лишь потом, позже, прижавшись лицом к ее руке, я ненадолго забылся.

Уже брезжил слабый рассвет, когда Аля пошевелилась, и мы одновременно открыли глаза. Несколько секунд она бессмысленно взирала на меня, потом приподнялась и села в постели, инстинктивно натягивая до подбородка одеяло.

Я улыбнулся, глядя на нее.

– Савва! – наконец произнесла она первое слово чуть хриловатым со сна голосом, и этим словом, к моей неопишуемой радости, было мое имя. – А почему я в постели? А где все?

– Мы с тобой здесь вдвоем, – сказал я.

– Боже, а который теперь час? – спросила она, затем увидела часы на стене. – Шесть утра?! – И без паузы: – А почему я раздета? Где Зойка?..

– Это я тебя раздел, – пояснил я. – А Зойка ушла в лагерь.

– Она бросила меня! – гневно воскликнула Аля, и тут же сказала: – Постой, ведь она хотела остаться с тобой вчера, она мне сама сказала об этом.

– А мне, – пожал я плечами, – она пожелала спокойной ночи!

Аля растерянно глядела на меня своими огромными глазами.

– А где ты был всю ночь? – мягко спросила она.

– Я был рядом и смотрел на тебя.

– Всю ночь?!

– Да, прости, я даже не смог уснуть.

– А ведь ты мог... – прошептала она, и тут же воскликнула: – Ты что, выгнал Зойку, да?!.

– Она ушла сама.

– Ты просто сумасшедший!

– Я знаю, после сегодняшней ночи я просто уверен в этом.

– А теперь дай мне встать, Савва! – В эту минуту голос девушки был чист, громок и строг. – Сейчас же! Выйди в другую комнату и сюда не входи!

Я повиновался.

Прошло минут пятнадцать, и все это время я пролежал в спальне на кушетке, заботливо постеленной Зойкой накануне вечером. А затем вошла Аля. Мой Бог, как она была прекрасна! В своем белом платье, похожем на подвенечное. И это после вчерашнего вечера – вначале этот тяжелый нервный стресс, затем выпитое вино и забытие... – а теперь: никаких следов на лице, ни темных пятен под глазами, ничего – свежая и чистая, как невеста. Я невольно улыбнулся и поднялся с кушетки. Аля шагнула навстречу, взяла меня за руку (!) и мы вместе вышли в зал.

Мы стояли друг к другу близко-близко, Аля запрокинула голову, чтобы видеть мои глаза.

– Я хочу быть твоей! – очень тихим голосом проговорила она. – Я хочу, чтобы ты любил меня так же долго, сколько ты смотрел на меня в эту ночь.

Она привстала на цыпочки, потянувшись ко мне, и наши губы встретились.

И действительно, у нас был дивный день после чудной ночи!

Мы любили друг друга нежно и страстно, потом замирали, обессиленные, затем вновь сливались в любовном сумасшествии. Это было как сон, как наваждение!

Я пропустил, конечно, рабочие часы с 12 до 17 и прибыл в ресторан только к вечерней смене. Шли мы туда вместе, держась за руки, и все люди, встреченные нам по пути, оборачивались на нас и затем еще долго глядели вслед, – наверное, беспредельное счастье было написано на наших лицах.

Весь вечер, пока я работал, Альфия просидела на стульчике-пуфике напротив меня и пила апельсиновый сок. И улыбалась мне. Одному мне. Я работал в этот вечер как на автомате: машинально подавал напитки и давал сдачу, машинально отвечал клиентам, машинально им улыбался и мечтал лишь о том, чтобы этот вечер поскорее закончился, чтобы наступила ночь, а в этой ночи остались бы только мы двое – я и Аля. В баре сегодня танцевали, но никто из присутствующих парней не решился пригласить Алю: наверное, даже посторонние замечали,

что нас с ней что-то неразрывно связывает. А после закрытия мы шли домой, я нес пакет с едой, захваченный из ресторанной кухни – ведь целый день мы оба ничего не ели.

И у нас действительно была дивная ночь, мы упивались друг другом и не могли утолить нашу жажду – жажду страсти. Потом, позже, когда сладостное безумие немного отступило, и мы разъединили наши объятия, Аля, устраивая свою прекрасную головку у меня на плече, спросила:

– Скажи мне, как ты ко мне относишься? Кто я тебе теперь: любовница, подруга, просто случайная знакомая? Ведь ты, кажется, женат, не так ли?

– Будем считать, что последнего вопроса я не слышал, – сказал я, привлекая девушку к себе, – а на предыдущий постараюсь ответить: об этом уже как-то сказал очень красиво поэт Михаил Светлов – вот послушай:

«Я не знаю, где граница между пламенем и дымом,
Я не знаю где граница меж подругой и любимой».

Аля, прикрыв глаза, потянулась ко мне, подставляя губы для поцелуя.

– Действительно, прекрасно сказано, я этого стихотворения раньше не слышала.

Ее шелковистые волосы щекотали мне плечо, ее запахи волновали меня, и я застонав от вожделения перевернул Алю на спину и мы вновь соединились в любовных объятиях. Потом Аля немного поспала, и я опять смотрел на нее: в моем взгляде были и восторг, и нежность, и преклонение перед этой милой, такой замечательно красивой девушкой-женщиной. Это были, несомненно, минуты настоящего счастья.

Ранним утром в понедельник мы пробрались к студгородку, и Аля проникла внутрь через дыру в заборе – этим обходным путем пользовались все влюбленные и просто опоздавшие. Затем я вернулся домой и завалился в постель: сегодняшний день был для меня выходным и я проспал почти целые сутки.

После этого прошло несколько дней, а нам с Алей никак не удавалось встретиться: я пару раз приходил в студгородок и ее там не заставал – она, как оказалось, была большим общественным деятелем и комсомольским активистом, и находилась то на совете стройотрядов, то еще где-то, то ее как-то даже отрядили в Кишинев, на встречу в ЦК комсомола республики.

А однажды я пришел на работу и наш швейцар, Ильич, сказал мне, что меня искала девушка. «Как она выглядела? Она назвалась?» – взволнованно спросил я. «Не знаю ее имени, – ответил он, – но такая красивая...».

А через неделю после нашей последней встречи в центре города состоялся прощальный сборный концерт студентов из Татарии: в нем участвовали все студенческие отряды, работавшие в городе и районе. Я случайно в это время проходил через площадь, торопился на работу. Многие сотни, а может и тысячи людей – съехавшиеся из всех близлежащих сел студенты, местная молодежь и просто зеваки заполнили ее и близлежащие улицы. С трибуны, установленной у кинотеатра, произносились речи, первым выступал наш секретарь райкома комсомола, после него от имени студентов Татарии говорила Альфия, которую я разглядел издали:

«Мы, студенты Казанского университета, в котором учился вождь революции В.И. Ленин...» и т. д., – ее чарующий голос волновал и пьянил меня. Я стоял неподалеку от трибуны, слушал ее и глядел на нее – тогда я еще не знал, что вижу Алю в последний раз, и ни встретиться больше, ни даже проститься нам не придется.

Прощай же Аля, Альфия, возлюбленная фея прекрасная моя!..

август 1980 г.

«Лабиринт».

Апельсин 1 штука.

Сах. песок или мед 1 ч. ложка.

Яблочный сок 100 мл.

Толченые грецкие орехи 1 ст. ложка.

Желток 1 штука.

Сбить желток с сахаром, выжать апельсин, долить сок, сверху посыпать толченым орехом.

Новелла пятая. После матча

*Ловил я кайф, легко играя
ту роль, какая выпадала,
за что меня в воротах рая
ждет рослый ангел – вышибала.*

И.Губерман

Я приходил на спортплощадку, расположенную рядом с полуразрушенной церковью в центре города, по понедельникам и четвергам – в эти дни здесь собирались такие же как я любители погонять мяч; в основном это были бывшие спортсмены возрастом от 25 лет и старше, – в шутку мы называли себя ветеранами. Приходил конечно, когда не был занят на работе, теперь же у меня было несколько свободных дней, а в баре на это время заступил работать мой напарник Саша Чумаков.

Собирались мы с ребятами на футбол обычно к пяти вечера, делились на две примерно равные по силам команды и начинали игру на площадке для ручного мяча, сопровождаемую смехом, шутками, анекдотами и приколами – старыми и новыми, а иногда рожденными экспромтом прямо на площадке во время игры.

Меня, как самого слабого игрока, от которого мало пользы в атаке, назначили голкипером команды, и я самоотверженно защищал свои ворота, бросаясь в опасные моменты в ноги футболистов команды соперников, стараясь при этом накрыть мяч своим телом.

Мой трикотажный спортивный костюм, и так далеко не «Адидас», к концу игры покрылся грязными пятнами от падений на землю и попаданий мячом и совсем потерял вид. Матч в итоге мы выиграли, хотя и задержались на поле дольше обычного, после чего отправились все вместе в расположенное неподалеку кафе «Белая акация». Там каждый из нас выпил по несколько стаканов сока – команда проигравших, как было заведено, платила.

Разговорившись с симпатичной коллегой – буфетчицей, я задержался в кафе и после ухода ребят. Жажда все не проходила, и я выпил еще пару стаканов моего любимого яблочного сока – теперь уже за свой счет. Гордый и счастливый победой (как мало порой человеку нужно для счастья!), я попрощался с буфетчицей и, покинув кафе, уже заторопился было домой, где собирался привести себя в порядок, искупаться и побриться, как вдруг вспомнил, что Саша, мой напарник, прощаясь со мной вчера вечером, велел мне прибыть сегодня в бар к двадцати одному часу, так как он договорился о встрече с двумя приезжими дамочками из Москвы, отдохавшими в местном санатории, на предмет провести время вчетвером.

Я взглянул на часы – они показывали без десяти минут девять. Домой, естественно, я не поспеваю, поэтому, решив, что раз мы уж все равно вместе с дамами отправимся ко мне на квартиру, где я смогу быстро привести себя в порядок, и ни секунды не задумываясь над своим внешним видом – волосы торчком, трехдневная небритость, да еще этот запятнанный спортивный костюм, – я ровно в 21.00 толкаю дверь бара, на которой висит табличка «Закрывается» и вхожу.

Александр, как всегда подчеркнуто элегантно, в черном костюме и черной бархатной бабочке при белой рубашке, стоял за стойкой и грациозными движениями наливал шампанское в бокалы двух сидевших перед ним дам.

Сашины гости, постриженные по последней моде и шикарно одетые, насколько я сумел рассмотреть их в эти несколько коротких секунд, обе в золоте и бриллиантах, имели красивые, холеные и несколько надменные лица. Да-а, следует признать, не было еще в нашем кругу дам столь высокого класса, поэтому при виде них я даже слегка закомплексовал.

Подойдя к стойке, я остановился рядом с коротко постриженной блондинкой с зелеными кошачьими глазами, одетой в тонкий кожаный костюм черного цвета – короткая юбка и безрукавка, все явно заграничного производства. Я открыл было рот, чтобы поздороваться, и вдруг, неожиданно для самого себя, жалостливым голосом говорю Саше, смещая свой говор к украинскому акценту:

– Наляйте, товарищ, стаканчик вина, будьте добры. – И лезу в карман, где у меня была сдача, полученная с рубля за выпитый в кафе сок в сумме 76 копеек, причем одними медяками. Саша, сохраняя серьезное выражение лица, тут же включается в игру и говорит мне:

– Бар закрыт, товарищ, у нас сегодня по случаю понедельника выходной.

Чувствует шутку, молодец! Я развел смущенно руками и, кивая на девушек, говорю несколько занудным голосом:

– Ну, вот тут у вас выпивают люди, и мне налейте стакан. – И при этом вываливаю свои медяки на стойку. Зеленоглазая блондинка, оказавшаяся к тому же обладательницей роскошной фигуры, медленно оглядев меня с головы до ног, брезгливо поджимает губы, затем поворачивается и говорит Сашке:

– Ну тут у вас и клиенты!?! От него же потом разит!

Она на всякий случай отодвигается от меня подальше вместе со стульчиком-пуфиком.

От стыда я опускаю голову, а от обиды надуваю губы:

– Так я же с работы иду, а не с гулянки, как некоторые! – И про себя решаю – все, теперь придется придуриваться сколько возможно, поэтому тут же продолжил: – Я работаю здесь рядом, на заводе, и в баню мыться, чтоб ты знала, хожу каждую неделю.

Блондинка, хмыкнув на эти слова, отвернулась к подруге и стала что-то ей нашептывать на ухо. Бармен тем временем наливает в стакан «каберне» и ставит его передо мной. До риски в 200 граммов не долил, сволочь, а я ведь свои кровные плачу. Я тянусь за стаканом, рука моя после футбола слегка подрагивает, и в этот момент блондинка, вновь повернув ко мне свое красивое, но слегка искаженное злостью лицо, шипит:

– Давай пей уже, алкаш, и скорее сваливай отсюда!

Я сделал глоток вина и чуть не поперхнулся от ее слов, а в это время бармен, нахальная морда, не поленившись пересчитать медяки, заявляет:

– Тут у вас 44 копейки не хватает, товарищ, у нас «каберне» не ординарное, а марочное.

Я ставлю стакан на стойку и начинаю хлопать себя по единственному карману брюк, в котором кроме ключей от квартиры ничего не звенит, и выкладываю их на стол.

– Нету, – говорю я и, отпив еще глоток, резко отодвигаю ополовиненный стакан от себя. – Возьми это назад, мне и полстакана хватит. А если поверишь в долг, я тебе завтра занесу.

Вино расплескивается из стакана, оставляя на стойке малюсенькие багровые озерца. Заметив это, блондинка не выдерживает:

– Саша, убери этого козла отсюда, он меня уже достал своей простотой.

Тут вторая девушка, брюнетка, говорит, тонко улыбаясь:

– Оставьте человека в покое, вы что, не видите какая у него жизнь? – И спрашивает у меня участливо: – Мужик, у тебя дети есть?

– Есть, – отвечаю я глухим голосом, обидевшись на «козла», – трое.

– И жена, наверное, дура лохматая и страшная, как моя жизнь! – вновь не удержалась чтобы не съязвить блондинка.

– Конечно, дура! – соглашаюсь я, стараясь не расхохотаться. Потом посмотрел на нее внимательно и добавил ехидно: – дура, как и все вы, женщины. А по внешности – так не страшнее тебя!

Я каким-то образом сдержался, не засмеялся, зато бармен и брюнетка прямо покатались со смеху, каждый подумав при этом о чем-то своем.

Брюнетка, находившаяся, очевидно, в добром расположении духа и желая сделать широкий жест, спрашивает меня:

– Мужик, сто грамм выпьешь? Я заплачу.

– Ну, заплати, – говорю, – раз такое дело, я и сто пятьдесят выпью.

Она достает из сумочки и небрежно роняет на стойку три рубля, которые Сашка тут же смахивает в кассу. И что вы думаете? Этот придурок – других слов и не подберу, – напарничек, твою мать! – наливает в стакан чуть больше ста граммов «русской», да еще теплой! А ведь в барном холодильнике, в морозильном отделении, протяни он руку, лежат бутылки с ледяной «Столичной» и «Пшеничной». Ненавижу! Мне даже вдруг в какое-то мгновение захотелось набить ему физиономию. С трудом справившись с собой и избавившись от этого желания, я поднял свой стакан. «За твоё здоровье, красавица!» – говорю я брюнетке и выпиваю водку залпом. Проглатываю и с большим трудом удерживаю ее в себе. И во мне нарастает справедливый пролетарский гнев. Против этих, с наглыми холеными рожами, которым – все самое лучшее. Отдышавшись, я приготовился уже было высказаться в адрес каждого из присутствующих, но выхода своему гневу не успеваю дать. Сперва брюнетка спросила участливо:

– А вы, случаем, не торопитесь домой к вашей жене и детям?

– А чего? Я сейчас уже ухожу! – говорю я. Затем, немного успокоившись, обращаюсь к бармену: – А куска хлеба у тебя не найдется, парень? А то водка какая-то колючая, в горле застряла.

Брюнетка понимающе захохотала, а блондинка тут же среагировала и говорит протяжно-презрительно:

– Ну, бля, когда ты уже уе...шься отсюда наконец?

Тут открывается дверь, которая ведет в фойе ресторана, и в бар входит новое действующее лицо – милиционер – работник вневедомственной охраны.

– Саша, ты будешь сдавать сигнализацию? – спрашивает он и при этом медленно обводит всех взглядом. – А то мы собираемся весь ресторан проверить.

Я с безразличием отворачиваю лицо в сторону, чтобы он в мой адрес чего-нибудь случайно не ляпнул, и не раскрыл меня.

– Сейчас, одну минуточку, шеф, и мы покинем помещение, – отозвался Саша преувеличенно бодрым голосом, и милиционер выходит. Девушки, вопросительно поглядев на Сашу, поднимаются со своих мест, а он, нырнув в подсобку, выносит оттуда спортивную сумку, быстро укладывает в нее пару бутылок шампанского, сверху коробку конфет, смахивает туда же с полки несколько пачек «Мальборо» и наша четверка отправляется на выход.

Сашкина машина стоит на обычном месте, прямо у входа в бар. Он запирает двери бара, затем открывает ключом дверцу машины, садится за руль и заводит двигатель. С другой стороны рядом с ним усаживается брюнетка, а блондинка разместилась на заднем сиденье, с комфортом устроившись посредине. Я открываю заднюю дверцу и говорю:

– Звыняйте, товариш бармен, подбросьте до дому, а то мэнэ сейчас эти мент... милицеские загребут в вытрезвитель. – И добавляю: – Слышь, стриженная, можно к тебе? – И сразу, не дожидаясь ответа, лезу на сиденье рядом с блондинкой.

Та от подобной наглости переменялась в лице, затем повернулась ко мне всем корпусом, подняла обе ноги над сиденьем, явно целясь при этом мне в голову, и как завизжит:

– Пошел вон, педераст вонючий! Саша, скажи же ему! Что тут у вас вообще происходит?

С трудом поймав ее ноги, довольно приятной, кстати, формы, я мягко опустил их себе на колени и захлопнул дверцу. Сашка втыкает первую скорость, и машина трогается с места.

– Подбросим товарища, – говорит он негромко. – А то действительно мусора могут сказать, что это я клиента напоил.

– Тише ты, Томка, – захохотала брюнетка, обернувшись к подруге, уже просто задыхающейся от злости. – Не дергайся, это, видимо, судьба, раз этот мужик все время рядом с тобой.

– Да пошла ты!.. – огрызнулась блондинка и откинулась назад, чтобы высвободить свои ноги, затем отряхнула зачем-то рукой колготки и отодвинулась от меня подальше, забилась в самый угол сиденья.

Прошло минут пять-шесть езды, никто за это время не произнес ни слова.

– Так ты где живешь, как тебя там?.. – небрежно спросил меня водитель.

– Так вот же здесь, сразу за поворотом, – отвечаю я, заметив, что мы подъезжаем к моему дому. – Первый подъезд. А меня Савкой кличут.

– Надо же, – усмехнулся водитель, – мы с тобой, оказывается, соседи, да еще и тезки почти, меня Сашей зовут.

– Во, бля! – не унимается Томка и добавляет брезгливо: – Сейчас, Линка, этот чувырло нас к себе в гости пригласит.

– А шо... – весело отзываюсь я, выходя из машины, остановившейся у самого подъезда, – пожалуйста. Бутылка у вас есть, – я кивнул в сторону сумки, – хлеб-соль в доме найдется, заходите, будем рады.

– Договорились! – озираясь по сторонам, говорит Лина, – в следующий раз обязательно к тебе зайдем. Давай, Томка, выбирайся.

Тома вышла и захлопнула дверцу. Я обошел машину спереди и незаметно передал ключи от квартиры Сашке. Он и девушки вошли в подъезд, я – следом за ними. В том же порядке мы вошли в квартиру. Сашка остановился в прихожей, приготовившись ловить кайф от происходящего; Лина, уловив его взгляд, обернулась и в удивлении выпятилась на меня.

А Тома, бедная Тома, глаза ее округлились, и она, обведя нас всех растерянным взглядом, дрожащим голосом спросила:

– Ты, что ли, и есть тот самый Саша или Савва, которого мы все это время ждали?

– Да-да, Томочка, – уже своим нормальным голосом и без всякого акцента отвечаю я и широко улыбаюсь. – Это я и есть. А что, собственно, изменилось? Ты можешь продолжать в том же духе, надеюсь, это тебя хотя бы немного возбуждает. К тому же Лина ведь сказала тебе: «Это судьба!».

Лина, схватившись за живот и переломившись в пояснице, в голос захохотала, Сашка, теребя рукой ус, довольно ухмылялся, а Тома, бедная Тома стояла без сил, привалившись к стене, – казалось, она была близка к истерике.

1980 г.

«Розовая киска».

Лед, 1 часть кампари, 0,5 части лимонного сока без сахара, 1 ч. ложка персикового бренди, яичный белок, лимонные дольки, 1 вишенка, кусочек персика.

Поместить в шейкер лед с кампари, бренди и белок – перемешать, вылить в высокий стакан, долить лимонный сок.

Украсить дольками лимона, вишенкой, кусочком персика.

Новелла шестая. Елдаков

*За женщиной мы гонимся упорно,
азартом распаяя обожание,
но быстро стынут радости от формы
и грустно проступает содержание.*

И.Губерман

Я увидел Вячеслава в тот момент, когда мой товарищ, только поднявшись в зал ресторана, остановился у столика администратора и стал озираясь по сторонам. Я замахал рукой, привлекая его внимание, он, заметив меня, помахал в ответ и, обходя на своем пути столики, кивая знакомым и пожимая руки некоторым из них, двинулся в мою сторону.

Я сидел за одним из столиков неподалеку от эстрады вместе с двумя девушками, к которым бесцеремонно подсел без спросу минут десять тому назад. Славик подошел и, вытянув из-под соседнего столика свободный стул, пододвинул его к нашему и сел.

– Ну, здравствуйте все, – сказал он вежливо, и тотчас, без паузы, спросил: – Савва, познакомишь меня с девушками?

– Знакомьтесь, девушки, – сказал я послушно, сам узнавший имена своих соседок пятью минутами ранее. – Это – Слава, мой товарищ, комсомолец, спортсмен и просто хороший парень.

(Единственное, о чем я умолчал, это то, что он еще являлся одним из самых известных в нашем городе насильников и «трахателей», но об этом, насколько я понимаю, не принято распространяться вслух). – А это, – повернулся я к девушке, сидящей за столом справа от меня, – Наташа.

Девушка кивнула. У нее были привлекательные и выразительные черты лица, обрамленного густой копной каштановых волос, и пленительных форм фигура, которую я не переставал разглядывать при каждом удобном случае на протяжении всего недолгого времени нашего знакомства: несколько крупная, но красиво очерченная тонкой батистовой блузкой грудь, и узкая талия, которая, в свою очередь, плавно переходила в широкие, роскошных линий бедра – эти формы с первого взгляда на них делали их обладательницу пленительно привлекательной и желанной.

– Лида, – я с улыбкой повернулся к другой девушке, которая была подругой Наташи и в то же время как бы являлась ее антиподом. Худая, нескладная, с тонким удлинненным невзрачным лицом и сосульками белесых волос на голове, торчащими в беспорядке в разные стороны, прикрывающих лоб и даже глаза, – трудно было отыскать в природе двух других, более непохожих между собой женщин. (Кстати, Лиду я сразу, с первой минуты, окрестил про себя «бледной спирохетой»). Кроме того, вся кожа ее тела, не скрытая одеждой, была посыпана мелкими розоватыми, явно припудренными прыщиками – лицо в большей степени, шея, плечи и руки – в меньшей. Это именно о таких, как она в народе говорят: «Ни кожи, ни рожи, и попа с кулачок».

Славик удовлетворенно хмыкнув (девушки ему явно понравились, впрочем, он был не слишком переборчив) сразу же завладел вниманием дам и стал говорить им что-то о красивых отношениях между мужчиной и женщиной, с трудом перекрывая шумную многоголосицу ресторана и звуки оркестра.

Я, зная своего товарища уже достаточно продолжительное время, даже удивился такому красноречию и подумал про себя: «Да, вот к чему может привести человека длительное отсутствие женской ласки». Впрочем, что касается Славика, то и однодневное воздержание от секса, насколько я знал, было для него трагедией.

Воспользовавшись вдохновением не на секунду не умолкающего напарника, я еще раз оглядел переполненный ресторанный зал в поисках альтернативных лиц женского пола на случай несовпадения наших желаний с желаниями этой пары девушек, но не обнаружив ничего примечательного, решил вернуться к «нашим овечкам». Краем уха, улавливая в рассказе напарника обрывки фраз:... японский магнитофон... по бокалу шампанского... красивая музыка... потанцевать при свечах... – при последних словах я бросил на него удивленный взгляд, но он, мгновенно перехватив его, подмигнул мне едва заметно, затем продолжил в том же духе.

Привлекательный внешне парень, 26-и лет, роста выше среднего, Славик был, можно сказать, даже красив той мужской красотой самца-покорителя – широкие плечи, атлетическое сложение, четкий, словно резной профиль, мощный с модуляциями бас, – которая привлекает столь многих девушек и женщин. Фамилия у него, правда, была несколько необычная и звучная – Елдаков, услышав которую и мужчины и женщины нередко начинали хихикать. Но было в нашем городе немало молодых женщин и девушек, которых одно только упоминание его, Славика, имени, вгоняло в трепет, а то и в ужас, и которые могли к своему несчастью (а кто наоборот, к счастью) подтвердить, что его физиологические кондиции очень даже соответствовали фамилии. Дело в том, что он, имея (по рассказам очевидцев и особенно очевидиц) немалых размеров детородный орган, обладал к тому же высокой сексуальной активностью и буквально преследовал каждую понравившуюся ему женщину до тех пор, пока не отымеет ее. В парке или у кинотеатра, в подъезде дома или около детского сада, на пляжах обоих озер – соленого и пресного – что расположены в черте нашего города, или же у дверей учреждения, где она работала, он настигал свою жертву, причем это могло произойти в любое время суток, и никак не зависело от того, замужем ли его избранница, шлюшка или же и вовсе девственница, и предлагал ей по-хорошему отправиться к нему домой и заняться любовью. Тех, кто отказывался, ожидал «спонтанный» половой акт прямо на месте встречи, и это, доложу я вам, не было преувеличением.

Естественно, об этих его «подвигах» в тот период я мало что знал (он и не хвастал ими), но кое-какие слухи до меня доходили. Надо сказать что и потерпевшая сторона не стремилась афишировать эти истории (и понятно почему), и теперь в жизни Славика сложилась такая ситуация, когда те женщины, что ему нравились, панически боялись и избегали его, а тех, что жаждали встречи с ним, – были и такие, в основном повидавшие в своей жизни предостаточно и желающие острых и сильных ощущений, – избегал он. Наши сегодняшние «овечки» прозябали в счастливом неведении о его «подвигах» – они были студентками Кишиневского мединститута и, соответственно, гостями нашего города.

Я мельком глянул на Славика: к этому моменту красноречие нашего героя стало иссякать, и я, уловив это по тону и зная вспыльчивый и грубый характер партнера, приложил указательный палец к своим губам, показывая этим, что ему пора замолчать, – теперь я уже не сомневался, что «наши» девушки пойдут с нами когда угодно и куда угодно.

Обычно девицы, как, например эти две, сбиваясь в пары, преследуют одну и ту же цель – быть востребованными. В плане развлечений и секса, естественно. Нет, Наташа не испытывала, я уверен, трудностей с этим, отнюдь, скорее наоборот, однако вдвоем с подружкой в любых передрыгах всегда веселее и безопаснее. И другое: имея напарницу типа Лидии, Наташа со своей внешностью просто обречена была находиться в центре внимания, быть ведущей, если можно так выразиться, в паре, не сомневаясь что только ей достанутся все восторги и комплементы – ведь та ей не соперница, и ее можно использовать как угодно, даже в качестве прислуги. Вторая девушка в таком тандеме, ведомая, тоже обычно только приобретает от подобной дружбы. Ей за компанию оказывается внимание со стороны мужчин (не выставят же ее за дверь); у нее практически всегда есть сексуальный партнер (опять же за компанию, потому что в одиночку ей, девице непривлекательной и малосимпатичной, заполучить такового крайне

мало шансов); вдобавок – еда, выпивка, – одним словом, она получает все в комплекте – беспроектный вариант. (Признаюсь вам, немало таких пар мне пришлось повстречать на своем извилистом жизненном пути).

После того как Славик, истощив свое вдохновение, умолк, я взял слово и втер еще несколько фраз-мазков-штришков в картину, расписанную им девушкам. Девушки наострили уши, глаза обеих подернулись влажным, романтическим блеском. Все! «Овечек» можно вести «на заклание».

После этого мы встаем из-за стола, я, невзирая на вялые попытки девушек достать из кошелька деньги, на ходу протягивая десятку рассчитываюсь с официантом за скромный ужин, поглощенный ими накануне, и мы направляемся к выходу, спускаемся в фойе за своими куртками и покидаем ресторан.

Все дальнейшее происходит словно по сценарию. На стоянке около бара мы усаживаемся в Славкин бежевый «жигуль» и отъезжаем. Прибыв на Липованку – это название микрорайона в нашем городе, куда мы прибываем через несколько минут, – мы останавливаемся у 4-этажки, и мы входим в 2-комнатную квартиру Славика, расположенную на первом этаже. На минуту в тесной прихожей, создалась толчея, после чего хозяин квартиры провел нас прямым ходом на кухню; в коридоре и в открытые двери комнат были видны разбросанные в беспорядке вещи – очевидно, следы поспешного бегства последней из многочисленных «жен» Славика, – так он, во всяком случае, называл тех женщин, которые имели обыкновение сбегать от него после двух-трех недель совместного проживания.

Обстановка кухни, в которую мы вошли, не страдала избытком комфорта: вся ее утварь состояла из плиты, этажерки, на которой кастрюли мирно соседствовали с книгами по строительному делу, приземистого жутко гудевшего холодильника и эмалированного умывальника между ними. В углу у противоположной стены располагался кухонный столик с четырьмя квадратными табуретами, на которые мы сели. Девушки в недоумении стали осматриваться по сторонам и их удивление было понятно: стены не беленой со дня постройки дома кухни были сплошь покрыты сетью трещин и множеством каких-то странных однородных отверстий, словно хозяин квартиры был не прорабом на стройке, а ковбоем, который во время обеда развлекается стрельбой из кольта по надоедливому мухам. Не меньше их был удивлен увиденным и я, потому что также как и они впервые в этой квартире находился.

Первой от всего увиденного пришла в себя Лидия.

– Ну, а где же обещанная музыка, мальчики? – бодро спросила она, осматриваясь по сторонам. Славик криво усмехнулся (здесь, у себя дома, ему уже незачем было изображать из себя джентльмена – занятие для него, прямо скажем, неестественное и тем самым весьма утомительное).

– Да младший братишка приходил, пока меня дома не было, он наверное и забрал японский магнитофон, – лениво пояснил он, затем встал, шагнул к умывальнику и щелкнул тумблером косо висевшей над ним радиоточки. Кухня наполнилась глухими картонными звуками какого-то вальса. Таким образом, вопрос музыки был решен. Лидия, не успокоившись на этом, открыла холодильник и первым делом выудила оттуда стеклянную литровую бутылку из-под молока, наполненную какой-то прозрачной жидкостью, внимательно рассмотрела ее на свет, затем поставила на стол.

– Водка?! – спросила она, приподняв брови.

Славик хмыкнул и неопределенно качнул головой. Я, удивляясь тому, отчего это вдруг водка в доме моего товарища хранится в молочной бутылке, пришел Лидии на помощь и достал из холодильника миску приготовленных для жарки отбивных и бутылку «жигулевского» пива.

– О, я буду пиво! – воскликнула молчавшая до сих пор Наташа, несколько подраставшая с момента прихода в квартиру свой лоск и от этого даже ставшая немножечко менее эффектной.

– Это – запивать! – вдруг заявила Лидия безапелляционно и отодвинула бутылку от Наташи, поместив ее на противоположный край стола. Славик отправился на балкон и принес оттуда банку соленых огурцов, а я, стараясь не привлекать внимания товарища и следуя за ним по пятам, присмотрел на полке банку моего любимого вишневого компота и приволок ее с собой, на что хозяин, заметив, в конце концов, мои действия, неодобрительно заворчал, сочтя, очевидно, такие накладные расходы чрезмерными.

Наташа, решив немного отвлечься от гнетущей обстановки, создавшейся в нашем коллективе, взяла в свои руки стряпню и, поставив на газ сковороду, сбрызнула ее подсолнечным маслом, после чего стала укладывать в нее отбивные. Она даже подвязала себе на талию фартучек, найденный на кухне, наверное, впопыхах забытый здесь одной из предыдущих хозяек. Наташе он был явно мал, однако, стянутый в талии, он удачно подчеркивал ее восхитительные формы, которые не могли оставить равнодушным ни один мужской взгляд, не говоря уже о наших со Славиком, распаленных близостью этой дамочки.

Вскоре в кухне уютно запахло жареным мясом; я нарезал хлеб и открыл банки с огурцами и компотом; Славик же был занят лишь тем, что, жадно затягиваясь сигаретой, плотоядно поглядывал на Наташу.

Лидия, оставшись без дела, вновь открыла холодильник и со словами: «Может, где-то тут все же есть шампанское?» – наклонилась и стала изучать его содержимое, но затем, обернувшись и перехватив жесткий взгляд Славика, обращенный на нее, сконфузилась и промямлив: «Наверное, тоже брат забрал...» – с сожалением захлопнула дверцу.

Наташа разложила отбивные по тарелкам, и все мы, не дожидаясь особого приглашения, вооружившись ножами и вилками, уселись вокруг столика. Лидия взяла на себя роль виночерпия и налила из молочной бутылки в граненые стаканы щедро, до половины.

– Ну, за дружбу! – поглядев на девушек, сказал тост Славик, поднимая свой стакан.

Лидия для чего-то выдохнула воздух и одним махом опрокинула в себя содержимое стакана. Мгновение и... глаза ее вылезли из орбит, рукой она схватилась за горло. «Спирт!» – понял я и, не придумав ничего более действенного, выхватил из миски огромный соленый огурец и поднес его ко рту Лидии. Она издала какой-то полузадушенный звук – то ли вскрик то ли стон, затем судорожно потянула в себя воздух, тут же закашлялась, потом скосила заслезившиеся глаза и, увидев перед собой огурец, в мгновение отхватила зубами половину и вкусно им захрумкала – при этом глаза ее продолжали бешено вращаться.

Несмотря на серьезность момента, мы со Славиком и даже Наташа улыбнулись: наверное, это выглядело со стороны очень сексуально – Лидия, жадно жующая огурец, косой скус с внушительным остатком которого я продолжал держать у ее рта. Наконец Лидия сглотнула, и стала приходить в себя, глаза ее приняли почти нормальное выражение, а лицо покрылось испариной.

– Предупреждать надо! – сказала она, отдышавшись. – Это же 96 градусов, чистый спирт.

Наташа молча, поджав губы, отодвинула стакан от себя, но Славик пододвинул ей другой стакан, с компотом, и сказал:

– Пей!

– Медикам ли бояться спирта? – сказал я весело, стараясь сгладить создавшееся за столом напряжение, затем добавил: – После бала у Сатаны булгаковская Маргарита, как вы помните, тоже пила чистый спирт, причем полным стаканом. – Поглядев на не улыбочивые лица девушек я понял, что это литературное сравнение пришлось явно некстати и, замолчав, долил компот в Наташин и в наши со Славиком стаканы, после чего мы выпили. Уговаривать закусывать никого не понадобилось.

Прошло несколько минут в тишине, нарушаемой лишь стуком столовых приборов и треском разрываемого молодыми здоровыми зубами жареного мяса, и я налил всем еще по такой же

порции. Девушки пытались было протестовать, но под жестким взглядом Славика примолкли, затем выпили и по второму разу.

На этот раз, прежде чем выпить, Наташа оглядела нас со Славиком долгим ненавидящим взглядом, а когда выпила – закашлялась – девушка привыкла, видимо, к более нежным напиткам. Славик, выждав несколько мгновений, привстал со своей табуретки и легонько шлепнул ее по спине. Наталья от удара прогнулась в пояснице и грудью легла на стол. Глаза ее при этом округлились от бешенства, и видит бог, сколько ей стоило усилий, чтобы сдержаться и ничего не сказать. Зато когда она выпрямилась, то уже не кашляла. Лидия тем временем разлила в свой и Наташин стаканы пиво. Мы со Славиком и не протестовали, опьяняющее действие пива на наших дам было нам только на руку.

– Ну а сейчас!.. – начала Наташа, отодвигая от себя пустую тарелку и вставая из-за стола, стараясь при этом не смотреть на нас со Славиком, – мы должны поблагодарить хозяев за теплый прием... А нам пора возвращаться в студгородок, уже поздно!

Следом за ней встала и Лидия, на ходу дожевывая огурец, половинку которого она держала в руке, – огурцы девушке явно понравились. Дамы проследовали в прихожую, Славик – за ними, а я задержался в коридоре, догадываясь, что мое присутствие там не потребуется.

– Ну а сейчас!.. – гаркнул Славик так громко, что «наши» девушки от звука его голоса пригнулись. – ...ты! – указал он на Наташу, – идешь в спальню. А ты, – теперь уже обращаясь к Лидии, – в зал. Бегом, бя!

И он потянул с себя через голову джемпер, обнажая мощный торс боксера-полутяжа. Девушки, секунду помешкав, при виде его голого тела побросали свои куртки и в ужасе шмыгнули по комнатам.

Славик повернулся ко мне и, ткнув себя пальцем в грудь, указал затем на дверь спальни, за которой скрылась Наташа.

– Не-а! – коротко бросил я, и он, недовольно скривившись, размашисто пошагал в зал.

Я толкнул дверь спальни и вошел внутрь. Наташа сидела на краю разложенного дивана и встретила мое появление надменно – презрительным взглядом. Я, не стесняясь ее, разделся догола и полез под одеяло.

– Выключай свет, сладенькая, – сказал я, – и иди ко мне! Или, может, тебе не в эту комнату? – добавил я ехидно, видя, что она не торопится выполнять мою просьбу.

Это подействовало. Наташа встала, выключила свет, но и при тусклом освещении уличного фонаря, проникавшего внутрь комнаты, наблюдая за тем, как она раздевается, я наслаждался видом ее превосходных форм и, наливаясь истомой, сладостно вздрагивал при мысли о близости с ней. Наташа откинула край одеяла и, потеснив меня своим роскошным телом, улеглась рядом. Я не теряя ни секунды, потянулся к ней, желая поскорее приласкать ее, согреть, подготовить к близости, но совершенно неожиданно оказалось, что она уже готова, да еще как!

То ли спирт был тому причиной, то ли еще что-то, но я почувствовал себя на ней как тот кораблик на волнах, который болтается в штормящем море, не находя берегов. (О! – это было новое для меня ощущение, такое – впервые в жизни, и оно оказалось далеко не из самых приятных). Наташа, обняв меня за плечи, прошептала что-то наподобие «мальчик», и с силой вдавливая меня между бедер, стала мощно двигать тазом вверх и вниз; вскоре от ее тела стал исходить запах молодого здорового пота. Это действие продолжалось довольно долго, и я уже перестал ориентироваться в пространстве и во времени, когда, наконец, моя пассия, издав сладострастный стон, прекратила движения, по ее телу прокатилась мощная судорога, и мне в эту секунду тоже удалось кончить.

Мы долго лежали рядом, глубоко дыша и успокаиваясь, затем я встал и, натянув трусы, направился в ванную комнату. Когда я вышел оттуда, меня из кухни окликнул Славик. Он сидел за столом неглиже и курил, перед ним на столе лежала открытая пачка «Космоса» и зажигалка. Я тоже взял сигарету и коротко спросил:

– А где... мадам Лидия?

– Тебя ждет! – усмехнулся Славик, – классная «трехстволка»!

В эту самую секунду в проеме двери мы увидели совершенно нагую Наташу, направляющуюся в ванную. На мгновение задержавшись, она поглядела на нас, и мы отчетливо услышали негромкое и презрительно-насмешливое:

– Козлы!

Усмешка слетела с губ Славика, лицо его окаменело.

«Нарывается баба!» – пронеслось у меня в голове, но было уже поздно. Теперь Славик за эти слова захочет ее проучить, и я никак не смогу помешать ему в этом, не драться же мне с ним. Я вышел из кухни, прошел по коридору и заглянул в полуоткрытую дверь зала.

На разложенном диване, обхватив руками коленки, сидела обнаженная Лидия. Отрешенно уставившись в какую-то только ей видимую точку на противоположной стене, она легонько раскачивалась и что-то еле слышно бормотала. Подбородком она упиралась в свои худющие коленки и сидя занимала на диване меньше места, чем нераскрытая книга обычного формата.

Услышав позади себя шлепающие по полу шаги босых ног, я обернулся. По коридору, покачивая голыми бедрами, направляясь в спальню шла Наташа, позади нее, словно хищник, готовый наброситься на свою жертву, крался Славик, глаза его при этом вопросительно смотрели на меня, его ладони, крупные как лопаты, находились на уровне Наташиных ягод. Я обреченно махнул рукой, поняв, что от меня в этой ситуации уже ничего не зависит, и он, взревев, подхватил Наташу под ляжки руками, будто усадил ее на них и понес на вытянутых руках в спальню.

Меня никогда не интересовали чьи-либо сексуальные игры, но тут что-то словно подтолкнуло меня к полуоткрытым дверям подглядеть тайну чужого соития. Войдя в комнату, Славик остановился возле дивана, выпустил Наташу из рук, и она, ойкнув, навзничь шмякнулась в постель, не успевшую еще остыть от наших с ней тел. Затем он завис над ней, руками пошире раскинул ей ноги и стал вставлять свой член, размером напоминающий пивную бутылку. Наташа напряглась, задергалась, и вскричала:

– Славик, что это... что ты делаешь?.. Пощади меня, пожалей!..

Славик захрипел, навалился, нажал, послышался чавкающий звук, Наташа напряглась и... затихла. В какую-то секунду я, потеряв бдительность, высунулся из-за двери, в надежде увидеть нечто большее, и был замечен Наташей, которая тут же замычала что-то нечленораздельное и стала тыкать в мою сторону пальцем.

– Савва, уберись к черту, – не оборачиваясь, проревел Славик, и я, прикрыв за собой дверь, отошел. От нечего делать я направился в кухню, сделал ставший модным на нашем сегодняшнем вечере коктейль из спирта с компотом, и отправился в зал. Лидия находилась все в той же позе, в которой я оставил ее десять минут назад; взгляд ее был по-прежнему бездумен, она, казалось, медитировала. Когда я вошел, она медленно перевела свой взгляд на меня, и внезапно ее лицо исказилось гримасой ужаса!

– Спокойно! – сказал я, миролюбиво поднимая ладонь и давая ей этим понять, что меня не надо бояться. – Я принес тебе выпить.

Еще несколько секунд на ее лице отражалась вся сложная гамма бушевавших в ней чувств, затем Лидия стала понемногу успокаиваться и, наконец, взяв дрожащей рукой стакан из моих рук, выпила залпом. Еще через минуту она была почти в норме, а я смотрел на ее тщедушное тело и удивлялся, как такой бугай как Славик, вообще смог ее поиметь, да еще во все три естественных отверстия?! Вот почему она испугалась, увидев меня! Фантазия подсказала ей, что теперь-то уж, с моим приходом, ей точно конец. После «полового гиганта» Славика чего она могла ожидать от меня? Ведь перед ней возник еще один, не менее крупный самец.

– А ты меня не будешь насиловать? – прервав мои размышления, спросила Лидия трепещущим голосом.

Я поглядел на нее, улыбнулся, прислушиваясь как за стеной, в соседней комнате, стонет то ли от боли, то ли от удовольствия ее подруга и отрицательно покачал головой.

– Хочешь, я тебе отсосу? – спросила она опять, на этот раз как-то даже участливо, ей явно хотелось сделать мне что-либо приятное.

Я вновь отрицательно покачал головой и, покинув комнату, отправился на кухню.

Наутро я, как джентльмен, провел девушек до остановки автобуса, чтобы они не заблудились в незнакомом районе, дорогой никто из нас не произнес ни слова. Посадив девушек в автобус, я махнул им на прощание рукой и навсегда исчез из их жизни и, очень бы хотелось надеяться, из памяти тоже.

А примерно через месяц меня в городе встретил Славик и спросил:

– Ты помнишь тех стерв, медичек, что были тогда у меня дома?

– Помню.

– Так вот!.. Я проверился и у меня нашли сифилис!.. Сходи и ты проверься. Вляпались мы с тобой, итить твою мать!

Что я мог ему сказать? Я проверялся на днях по линии медосмотра, обязательного по роду моей работы, и у меня, славу богу, все было в порядке. «Бледная спирохета» – подумал я и покачал головой, вспомнив худую и тщедушную Лидию – какое точное, оказывается, «имечко» я дал ей тогда.

1980 г.

«Красное молоко».

Малиновый сироп 20 мл.

Коньяк 10 мл.

Сахарный сироп 50 мл.

Молоко 200 мл.

Лед.

Смешать компоненты, вылить в бокал со льдом, и долить охлажденное молоко.

Новелла седьмая. День Конституции

*День Конституции напомнил мне
усопшей бабушки портрет:
портрет висит в парадной комнате,
а бабушки давно уж нет.*

И.Губерман

1

Этот праздничный октябрьский день 1980-го, олимпийского года – день Конституции, оказался для меня чрезвычайно богатым на события.

Итак, обо всем по порядку. Из Ворошиловграда рано утром в наш город приехали старинные друзья моего напарника Саша Чумакова. Их было двое: Иван – невысокий, плотного сложения цыган с острым и цепким взглядом небольших, черных, круглых как две пуговицы глаз из-под густых, косматых бровей, – он работал директором крупного мясного магазина на одном из Ворошиловградских рынков; вторым был Сергей – голубоглазый шатен, тоже крепыш, только он был ростом повыше и постройнее своего товарища, и работал директором коктейль-бара в том же городе. Ребята они были еще совсем молодые – меньше тридцати, а в таком возрасте занимать престижные и довольно доходные должности, да еще не в таком, как наш, небольшом городке, а в крупном областном центре – это, скажу я вам – ой-ой-ой! – немало значило.

Не знаю, какие дела эти ребята имели с моим напарником Сашей – вероятнее всего, думаю, дела серьезные, денежные, но для меня, человека непосвященного, версия звучала так: друзья приехали навестить своего старого приятеля, с которым они были знакомы и дружили чуть ли не с пеленок, а заодно повеселиться, погулять и попить.

Свою машину – «Волгу» с широкими спортивными колесами, ребята поставили у входа в бар, чтобы была всегда под рукой, да и под присмотром – ведь машина их была не совсем обычная: в ней было наворочено немало всяких дополнительных прибабасов, таких как стереосистема и телевизор внутри, и пять-шесть разнокалиберных антенн снаружи, хитрые импортные сверхсильные фары, а в багажнике даже располагался небольшой холодильник-бар.

Был мой рабочий день, и Саша предложил мне встретить ребят как полагается добрым и гостеприимным хозяевам: выставить им кабак, пригласив для украшения компании представительниц прекрасного пола, а затем, после закрытия ресторана, продолжить мероприятие в баре. Столики на вечер Саша заказал наверху, что же касается представительниц прекрасного пола – этот деликатный вопрос, как всегда, был возложен на меня. И это, скажем, не совсем простое задание, решилось довольно быстро: в обеденное время, когда я весь в делах и заботах носился по ресторану, распределяя и раскладывая товар, в очередной раз пересекая вестибюль я увидел трех хорошеньких девушек, крутившихся перед трюмо около женского туалета.

Остановившись, я несколько секунд гадал, пришли девушки в ресторан или уже собираются уходить, затем, набравшись храбрости, направился к одной из них – невысокой блондинке с короткой стрижкой платиновых волос, которая как раз в эту минуту, отделившись от своих подруг, отошла немного в сторону. Лицо ее мне показалось открытым и приветливым, и я, подойдя и поздоровавшись, сказал ей, что был бы счастлив познакомиться. Девушка удивленно меня оглядела, посчитала, видимо, что я грузчик или уборщик, и мне пришлось сказать ей, что работаю барменом, после чего мы тотчас нашли общий язык. Мы с ней успели перемолвиться буквально несколькими словами: девушка сообщила мне, что они уже пообедали

и теперь торопятся в студенческий городок, где обязаны присутствовать на торжественном собрании в честь дня Конституции.

Увидев, как я расстроился тем, что они уже уходят, Людмила, – подруги, окликнув мою собеседницу, тем самым помогли мне узнать ее имя, – сказала, чтобы я не печалился, и что она постарается уговорить своих подруг прийти в ресторан вечером попозже, когда все праздничные мероприятия в студгородке закончатся. А я сказал ей, что буду их очень ждать и специально выйду в фойе к десяти часам вечера, чтобы встретить у входа.

Проводив Людмилу до дверей ресторана и мило с ней попрощавшись, я возликовал: приглашать на вечер наших, местных дамочек легкого поведения у меня не было никакого желания, так как все они мне уже порядком осточертели. А вот встреча со студентками Кишиневского медицинского института, которые работали на местном консервном заводе и проживали в студенческом городке, предвещала нам новые приключения. И этому было свое резонное объяснение: быть может, студентам-медикам для повышения квалификации и важно было знать, как препарируются-консервируются продукты – мясо, овощи и фрукты, перед тем как попасть в банки; я также не в курсе, как там у них обстояло дело в плане производственных показателей, но в развлекательной программе нашего города столичные медики в этом году проявили себя очень активно и были на первых ролях, пользуясь у городских донжуанов заслуженным уважением и бешеным успехом.

Часам к восьми вечера в ресторане появился мой напарник Александр: он прибыл не один, а вместе с мамой, которая, кстати сказать, всегда присутствовала на всех мероприятиях вместе с сыном, независимо от того, по серьезному ли поводу предстояла встреча, или же, как, например, сегодня, намечалась банальная пьянка.

Сашина мама была примечательной особой: на первый взгляд она казалась обыкновенной располневшей провинциалкой с простым русским лицом, возрастом 50+, однако когда вы видели ее глаза, этот пронизывающий вас насквозь взгляд, более подходивший работнику КГБ в звании не ниже полковника, вы чувствовали себя словно просвечиваемым рентгеном. Эта женщина тридцать лет проработала в торговле, из них двадцать – заведующей областной промтоварной базой все в том же Ворошиловграде, и имела огромный опыт общения с людьми разного типа и ранга, начиная от алкашей-грузчиков до руководителей областного масштаба и выше.

Вместе с мамой Саша поднялся в зал, где накануне им был заказан банкет на десять мест, для чего официанты попросту состыковали три столика вместе.

Наши гости, Ваня-цыган и Сережа, пришли в ресторан несколькими минутами позже, их я тоже отправил наверх. Ваня в сопровождении своего друга до прихода в ресторан обошел весь город; он был в легком подпитии и пребывал в добром расположении духа, а посему любил весь мир и желал облагодетельствовать всех местных одноплеменников, поэтому он повсюду, где только не встречал цыгана, а в нашем городе их проживает немало, обнимал, целовал его или ее, и дарил каждому по пяти рублей.

Уже поднимаясь по лестнице, ведущей в зал ресторана, он остановился, увидев стоявшего около швейцара чернявого кудрявого мальчишку лет десяти, вернулся, умильно на него несколько секунд смотрел, потом подошел, и произнес что-то по-цыгански обнял его, затем вынул из кармана пять рублей (он их специально наменял, что ли, пятерки эти?), сунул мальчишку в нагрудный карман рубашки, шлепнул его легонько по спине и, довольный собой, продолжил свой путь, – товарищ его, Сергей, стоя на лестнице, все это время терпеливо его дожидаясь.

Став очевидцем этой сцены, я невольно улыбнулся: мальчика, которого Ваня принял за цыгана, звали Миша, а фамилия его была Зильберман – его отец, Лева, мой товарищ и карточный партнер, живший неподалеку от ресторана, иногда присылал сюда своего сына за сигаретами.

Когда на часах было без нескольких минут десять, я вышел в фойе. Входная дверь с обращенной наружу табличкой «Мест нет» была заперта: дядя Леша, наш швейцар, сегодня был как никогда строг и никого внутрь не пропускал; даже постоянных клиентов, которые, как он знал, всегда дадут рублик, или нальют сто грамм.

Дело было в том, что сегодня желающих попасть в ресторан оказалось гораздо больше, чем позволяло количество посадочных мест, и это говорило о том, что день Конституции свято чтится жителями нашего городка, а также славно празднуется.

Сквозь стеклянную дверь я стал всматриваться в толпящихся у входа людей и, наконец, заметил, стоявших несколько в стороне от остальных трех нарядно одетых юных дам, среди которых была и Людмила. Дядя Леша по моей просьбе на минуту приоткрыл половинку двери, и я, выскользнув наружу, притянул каждую из девушек за руки сквозь толпу прямо к дверям и с трудом провел их внутрь.

Пока девушки у зеркала приводили себя в порядок, поправляя платица и чуть смятые прически, я с удовольствием их разглядывал, затем Людмила нас познакомила. Что ж, такого шикарного «букета» в нашей компании я просто не припомню – все три девушки выглядели прелестно, одна была другой краше.

Людмила, с которой я уже был знаком, была одета в обтягивающее синее платье; девушка была великолепно сложена – узкая талия, изумительной формы бедра, от которых невозможно было оторвать глаз, стройные ножки. Немного неожиданно на этом фоне смотрелся ее небольшой бюст, однако и этому было свое объяснение – на все, что было выше талии, Людмила могла надеть вещи 42–44 размера, а размер ее бедер был, наверное, 50, не меньше. Вторая девушка, Елена, была пропорционально сложенной стройной шатенкой ростом чуть выше среднего с умным привлекательным лицом, и с хорошими, я бы сказал аристократическими манерами. Третья девушка – Эльвира, была, может быть, не столь выразительна на фоне своих подруг, но, тем не менее, с красивой прической и добротным макияжем она выглядела весьма аппетитно, к тому же девушка была улыбчива и весела, и, тем самым, могла своим присутствием украсить любую компанию.

Мы вместе поднялись на второй этаж, и я с самодовольной улыбкой и несколько торжественно препроводил девушек к столу, за которым уже вовсю веселились остальные члены нашей компании.

Появление девушек было встречено восторженными возгласами присутствующих мужчин, и я понял, что свою миссию выполнил с блеском. Несколько минут я провел в зале ресторана, вначале перезнакомил всех, затем предложил девушкам выпить. Елена и Эльвира попросили шампанского, Людмила же шепнула мне, что ничего, кроме водки не пьет, и считает ее своим любимым напитком. Интересно, подумал я, наливая в ее рюмку водку, лично мой любимый напиток лимонад, без всех остальных я мог бы без проблем прожить до самой старости. Затем я спустился в бар, где к этому времени у стойки образовалась очередь «страждущих» клиентов, в нетерпении ожидавших бармена.

К одиннадцати в бар пожаловала Людка Гончакова, деловая партнерша моего напарника Саши, спекулянтка всесоюзной, а заодно и международной категорий, постоянная клиентка бара со дня его открытия. Она потребовала для себя сок и, со стаканом в руке, опершись локтем на стойку, стала оглядывать и изучать всех находившихся в баре клиентов. Почти следом за ней появился Володя Сладков – певец и музыкант (очень среднего, замечу, уровня) – он пел и играл на танцуйках во Дворце культуры, но в последние месяцы, зачастую пренебрегая своими прямыми обязанностями, постоянно обретался в баре. Эту пару я тоже отправил наверх, для укрупнения и укрепления компании, где, таким образом, уже собралось вместе с ними девять человек, – я был десятым.

Стрелка часов перевалила за одиннадцать, согласно расписанию работы бара можно было уже закрываться, о чем я и объявил присутствующим. Клиенты оказались на удивление

послушными – неужели само название праздника – день Конституции – так дисциплинирует граждан? В течение пяти минут ни покинули бар организованно, без препирательств, и я вновь поднялся в зал ресторана, теперь уже в роли рядового отдыхающего.

Когда я вошел, мне открылась впечатляющая картина: гудеж в зале стоял умопомрачительный: за каждым из 4-местных столиков размещалось семь-восемь, а порой и до десяти человек, стаканов и рюмок на всех не хватало, но, слава богу, в Молдавии есть традиция пить по кругу из одного стакана, лишь бы алкогольных напитков было в достатке, поэтому недовольных не было, – все выпивали, веселились и развлекались как умели.

Гул голосов, смех и звон столовых приборов порой заглушал музыку; официанты носились по залу взмыленные, противоположная сторона зала едва просматривалась сквозь сизую завесу сигаретного дыма; на балконе, опоясывающем ресторан по периметру, выставлены были все столы, имевшиеся в наличии, включая столик администратора, всевозможные вспомогательные тумбочки, столики из комнаты официантов, из буфета, из кабинета директора и даже огромный поварской мясоразделывательный металлический стол – все пошло в ход, когда народ жаждал ПРАЗДНИКА.

На небольшой площадке перед эстрадой под битловскую мелодию ломались в танце молодые, и не очень, люди с покрасневшими лицами, их похотливые взоры были устремлены на дам, которые в платьях в обтяжку и с глубоким декольте действительно были все поголовно красивы, или, как минимум, дразняще – привлекательны.

Сегодня в зале работала бригада «мальчиков» – все официанты в смене были молодые ребята, которые лишь в этом году закончили торговое училище, и звали их: Виктор, Петр, Иван, Григорий и Кирилл, – все они вполне заслуживают того, чтобы я озвучил здесь их имена. Оглядев все и всех вокруг, я влился в свою компанию и принял участие во всеобщем праздновании.

Когда наступила полночь, разошедшаяся не на шутку публика продолжала пить и веселиться, не торопясь покидать ресторан; наша компания тем временем в полном составе перебралась в бар.

2

*Люблю, с друзьями стол деля,
поймать тот миг, на миг очнувшись
когда окрестная земля
собралась плыть, слегка качнувшись.
И.Губерман*

Едва мы вошли в бар, как Иван, по профессии мясник, завладев всеобщим вниманием, безапелляционно заявил, что теперь нам всем придется пить коктейли, изготовленные по его собственному рецепту; при этом он решительно закатил рукава, словно прямо на наших глазах собирался разделать по меньшей мере тушу мамонта.

Заинтригованные гости, весело смеясь, стали рассаживаться вдоль стойки. Ваня, не мудрствуя лукаво, поставил перед каждым большой фирменный стакан емкостью в треть литра, затем стал открывать бутылки с коньяком КВВК (коньяк выдержанный высшего качества), 45* – самым дорогим, какой был в баре, наполнил стаканы доверху и строго предупредил, чтобы все выпили до дна. Не буду описывать саму процедуру, скажу только, что мы ввосьмером – три девушки и пятеро парней (Людка-спекулянтка и Сашина мама к этому времени покинули нашу компанию), выпили в три приема 17 бутылок коньяка, то есть пришлось по литру на каждого, не считая всего того, что было выпито в ресторане наверху.

Пока мы в баре взбадривались коньяком, в ресторане, а на часах был уже второй час ночи, никого не осталось, включая также и работников, поэтому Саша настежь открыл двери бара, ведущие в фойе, чтобы мы имели свободный доступ куда угодно, а главное, в туалет.

Я участвовал в пьянке со всеми наравне, хотя, имел, пожалуй, перед остальными небольшую фору – ведь до полуночи я почти не пил (зато и не ел), и принял на себя, таким образом, только последний, коньячный, но все же достаточно тяжелый, если не сказать нокаутирующий удар.

Кружась в танце с одной из девушек – Эльвирой, я своей быстро хмелеющей головой пытался решить, с которой из трех я бы желал провести эту ночь. Более других мне импонировала красивая и аристократичная Елена; Людмила, обладательница фантастической фигуры, тоже привлекала меня; да и Эльвира была хороша, таким образом, у меня, нахала, попросту глаза разбежались, и я не знал какой из девушек отдать предпочтение.

Елена все же была несколько ярче своих подруг, и я, еще раз оглядев ее стройную фигурку, сделал, наконец, свой выбор, и по «секрету» шепнул Вовке Сладкову, что с удовольствием завершил бы этот вечер с ней наедине. Я собрался, было, пригласить девушку на танец, но, как назло, именно в эту минуту она куда-то вышла, и я вновь отправился танцевать с Эльвирой. Как только закончилась мелодия, я усадил свою партнершу в кресло, огляделся по сторонам в поисках Елены, но она как ушла куда-то, так до сих пор назад и не возвращалась, а прошло уже, по-моему, не менее 20-ти минут, если не все полчаса. Тогда я отправился на поиски Елены, отметив для себя, что Людмила находится на месте, сидит с Володей и Сашей за столиком и увлеченно о чем-то с ними беседует. Таким образом, в баре кроме Елены отсутствовали лишь двое наших гостей – Ваня и Сережа – и именно этот факт начинал меня серьезно тревожить. И, как очень скоро выяснилось, не зря.

Пользуясь тем, что в ресторане было полно свободных помещений, «дорогие» наши гости, перехватив Елену на выходе из туалета, с шутками и прибаутками утащили девушку наверх, в банкетный зал. Когда я ее там после нескольких минут поисков обнаружил, девушка сидела в кресле под большим фикусом в кадке и, уткнувшись лицом в ладони, плакала – нехорошо плакала, обиженно, навзрыд, плечи ее при этом вздрагивали.

– Леночка, что произошло? – спросил я, легко касаясь ее руки. – Тебя кто-нибудь обидел?

Она молчала, а в это самое время меня сзади за шиворот потянула чья-то рука, я обернулся – это был Вовка, он отвел меня в сторону и зашептал на ухо:

– Можешь с этой Еленой делать все, что захочешь, только не целуй ее, слышишь, она – «законтаченная». Пацаны специально меня послали тебя предупредить.

Я без сил опустился на ближайший стул. Скоты! Эти наши гости – Иван и Сергей – мерзкие скоты. Они поиздевались над девушкой, силой пихая ей в рот свои грязные члены – поэтому минет называют в нашем городе на зековский манер – «законтачить» или «накормить». Нет, я лично не против любого из видов секса, но только не таким же способом – угрозами и силой! Иди себе с девушкой один на один, и договаривайся с ней, о чем тебе только заблагорассудится. И что я теперь мог изменить? Ничего. Да и поздно уже. Попробуй, скажи что-нибудь этим Ване и Сереже, да что им, даже мои друзья Саша и Володя поднимут меня на смех, скажут: эта Елена тебе никто – всего лишь несколько часов назад мы с этими девушками впервые познакомились.

Да, свои планы на вечер и на ближайшую ночь я в большей степени связывал с Еленой, причем она, как мне казалось, отвечала мне взаимностью, или, по меньшей мере, симпатизировала мне, теперь ей, конечно же, не до меня. Короче, наша компания в один миг стала мне противна и гадка. Я помог Елене встать, обнял девушку за плечи и отвел ее в бар. Оба «героя» Ваня и Сережа находились тут, то есть все были на месте и в сборе. Я отозвал Сашу в сторону, сказал, что хочу покинуть компанию, и спросил его как нам следует поступить: выпроводить всех из бара, или же желающие тут до утра и останутся. Саша уже знал о том, что произошло с Еленой, поэтому первым делом поспешил меня успокоить:

– Да оставь ты, пусть гости веселятся, что с этими девками делается? Подумаешь, потыкали в нее членами. Откуда ты знаешь, может ей это нравится?

– Отвези меня... отсюда, – брезгливо скривился я, вынимая из кармана связку ключей от бара и протягивая ему.

3

*Где ты нынче? Жива? Умерла?
ты была весела и добра.
и ничуть не ленилась для ближнего
из бельишка вытаскивать нижнего.
И.Губерман*

Саша, позвякивая ключами, отправился на выход, я же ухватил за руку стоявшую ближе всех ко мне Людмилу и увлек ее за собой.

Людмила не сопротивлялась – она просто удивилась этому моему жесту, так как знала, что я целый вечер уделял внимание Елене. Не долго думая, девушка подхватила со стула свою сумочку и послушно последовала за мной.

Саша на своей машине отвез нас на Липованку, к дому общего нашего товарища Славки Елдакова – какого-либо другого жилищного варианта у меня на этот момент не было предусмотрено. А Славка Елдаков проживал в своей собственной двухкомнатной квартире, в которой, как он говорил, для меня всегда найдется уголок.

Мы с Людмилой вошли в подъезд, подойдя к нужной двери я постучал. На часах было почти три часа ночи, Славка, конечно же, спал и на стук не отозвался. Стучать громче я просто постеснялся и увлек Людмилу на узкую тропинку, опоясывающую дом, намереваясь попасть в квартиру другим путем – через балкон. От чрезмерных алкогольных возлияний временами я чувствовал волнами подкатывающую к горлу тошноту; девушка же, к моему удивлению, казалась вполне в норме, кстати, еще в баре я для себя отметил, что Людмила была трезвее всех остальных. Похвальная стойкость для молоденькой женщины, впрочем, очень возможно, что в конкретном случае сказалась ее привычка к крепким напиткам.

Славкина квартира располагалась на первом этаже, но имела балкон, на который, как я надеялся, нам будет несложно проникнуть с улицы. Забегая вперед, скажу, что нам с Людмилой впоследствии пришлось еще пару раз оказаться в неординарных ситуациях, но эта – первая – была самой эмоциональной и богатой на впечатления.

Итак, обогнув дом, мы пробрались к балкону, который я «вычислил», и осмотрели его. Сам балкон был расположен невысоко, стоя, с земли, приподнявшись на носочки, можно было даже сквозь окошко заглянуть внутрь, но окна эти были узкими и не приспособленными для того, чтобы в них лазили. Но где, скажите, не пролезет нетрезвый искатель приключений, да еще когда рядом с ним хорошенькая, терпеливая, а главное, готовая на все дама. Я подтянулся на руках, с немалым трудом протиснул свое нехилое тело в окно и, балансируя на одной ноге – вторая пока оставалась снаружи, – протягивал руку, чтобы помочь Людмиле забраться наверх, когда вдруг услышал мужской голос:

– Это кто еще, бля, ко мне сюда в окно лезет?

– Не ссы, Славка, это свои, – сказал я неуверенно, голос говорившего отчего-то показался мне незнакомым. Я медленно обернулся, вглядываясь в говорившего, и увидел в проеме балконной двери незнакомого мужика в нижнем белье, в руке которого тускло блеснула какая-то железяка, судя по размерам и форме топор. Поняв уже, что это не Славик, я сказал ему храбрясь:

– Ну ты, герой в кальсонах, иди и позови Славку. И спрячь топор, не то отберу и задницу надеру.

Хотя позиция, в которой я в данную минуту находился, была очень неустойчива и ситуация складывалась явно не в мою пользу, гонору мне было не занимать. А вот двинуться ни вперед, ни назад я не мог – вперед было опасно, назад позорно.

Второй белый силуэт, возникший рядом с первым, рассмеялся женским голосом:

– Вот это класс! Кто это к нам в такое время пожаловал?

– А ну ты, баба, закрой рот, – прикрикнул мужик на женщину, и обращаясь уже ко мне, сказал: – А ты че вообще сюда полез? К моей жене, что ли, добираешься?

– Я лезу к своему товарищу Славику, – ответил я. – А жена мне твоя и на фиг не нужна, у меня, вон, своя имеется.

Мужик опасливо, все еще держа топор наготове, шагнул к окну, перегнулся, всматриваясь сквозь стекло, тем временем я перенес внутрь балкона вторую ногу и теперь уже твердо стоял внутри на обеих ногах. Увидев стоявшую под балконом Людмилу, и от этого успокоившись, мужик уже более дружелюбным голосом сказал:

– Славкин балкон следующий будет, вон он, слева, ну а ты можешь выйти через двери.

– Нет, через двери нас не устраивает, – заявил я, пускаясь в обратный путь. – Извини, брат, попутал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.